

МАРИЯ СОНИК

НАСЛЕДСТВО С ПОДВОХОМ

ПРОПИСАН И ОЧЕНЬ ДОВОЛЕН

Мария Соник

Наследство с подвохом.

Прописан и очень доволен

<https://litres.ru/74521528>

Аннотация

Получить письмо о даре недвижимости — приятная неожиданность. Вот только радость длилась ровно до того момента, как я поняла: дом находится не на окраине города, а в параллельном мире. Мало того, он уже занят!

Мой новый «сосед» — наглый, самоуверенный красавчик, который и не думает съезжать. Он заявляет, что это его законная территория, и смотрит на меня так, будто я здесь лишняя. Я полна решимости выселить этого мага (а он, кажется, еще и маг!) любыми способами. Но у него на этот счет свои планы.

Он не только отказывается уходить, но и начинает откровенно надо мной подшучивать, превращая мою жизнь в череду неловких и комичных ситуаций. Кажется, война за квадратные метры объявлена. И похоже, что главное оружие в ней — не магия, а искры, летящие между нами.

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИНЯ СОНИК

Содержание

Пролог. Кофе, круассан и девушка из ниоткуда	4
Глава 1. Подарок судьбы (или издевательство?)	14
Глава 2. Мой дом? Ваши проблемы	22
Глава 3. Два сапога — пара	34
Глава 4. Война за территорию	46
Глава 5. Правила общежития	62
Глава 6. Утро втроем	76
Глава 7. Неловкость высшего порядка	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Пролог. Кофе, круассан и девушка из ниоткуда

Это был не просто кофе — это была церемония. Ритуал, отточенный за два столетия добровольного затворничества до степени совершенства, доступной лишь богам или безумцам. Я не относил себя ни к тем, ни к другим. Я был просто потомком древнего рода, уставшим от бесконечной череды лиц, событий и обязательств, и нашедшим убежище в самом сердце своего личного, тщательно оберегаемого мира.

Процесс приготовления этого напитка был моей медитацией. Свежесмолотые зерна с южных склонов Пылающих гор — их терпкий, чуть дымный аромат для меня был ароматом самой жизни. Вода, которую я приносил на рассвете из источника Лунных дев, что бил ключом в дальней части моего сада — легенды гласили, что в полнолуние она светится изнутри, и это была чистая правда. Медная турка, доставшаяся мне от прабабки Медеи, с выщерблиной на боку от неудачного эксперимента с зельем приворота (говорят, объект ее дыхания потом три года ходил за ней хвостом, пуская слюни, и в итоге она сама же его и прокляла, чтобы отвязаться). И, наконец, абсолютная, звенящая тишина, которая была для меня такой же важной составляющей, как и сам кофе.

В то утро все было как всегда. Идеально.

Я сидел в любимом кресле у окна — антикварном, обитом выцветшим зеленым бархатом, с высокими подлокотниками, истертыми моими ладонями за десятилетия. Из окна открывался вид на мой сад. Он был моей гордостью и моим наказанием. Вылизанный до последнего листочка, вычищенный до последней травинки, он был похож на гравюру из дорогой книги по ландшафтному дизайну. Ровные дорожки, посыпанные белым мраморным песком, стриженные кусты, подстриженные в форме сказочных зверей, цветы, которые распускались строго по графику, сменяя друг друга в зависимости от времени года. Идеальный порядок. Идеальная скука.

Я наслаждался первой утренней чашкой. Солнце только вставало из-за Клыков Дракона — горной гряды на горизонте, и его первые лучи осторожно, словно боясь спугнуть тишину, окрашивали кроны деревьев в расплавленное золото. В доме пахло ванилью, которую я добавлял в выпечку по воскресеньям, и магической сухой травой, разложенной по углам от моли. Идиллия. Застывшая, как янтарь, вечность.

Идиллия длилась ровно до того момента, когда пространство рядом со мной истончилось.

Это чувство было мне знакомо. Его нельзя было спутать ни с чем. Сначала — едва уловимое давление на барабанные перепонки, как при взлете самолета. Потом — легкое покалывание в кончиках пальцев, словно по коже пробежали крошечные разряды статического электричества. А затем —

ощущение, что сама реальность стала тоньше, прозрачнее, как мыльный пузырь, готовый лопнуть от малейшего дуновения.

Я отставил чашку с кофе на столик красного дерева, покрытый тончайшим слоем лака, который я сам наносил каждую осень, и приготовился. Редкие гости в моем мире появлялись именно так, через порталы. Обычно это были посыльные из магической канцелярии с бумагами, требующими моей подписи, — какие-то древние права на владение землей, передача титулов, налоги на использование фамильной магии. Или, что было куда хуже, моя троюродная тетушка Агата, старая карга с неиссякаемой энергией и маниакальным желанием пристроить меня, «молодого человека в самом расцвете сил», к какой-нибудь «очаровательной особе из приличной семьи». Ее визиты всегда заканчивались тем, что я прятался в подвале среди фамильных реликвий и делал вид, что меня нет дома.

Я приготовился к скуке или к раздражению.

Но пространство лопнуло не в прихожей, как было заведено вежливыми гостями, и не в центре защитного круга, как полагалось бы посыльным. Оно разверзлось прямо посреди моей гостиной, в двух шагах от камина, разбрызгивая вокруг серебристые искры, которые гасли, не долетая до ковра, сотканного эльфами триста лет назад для моей прапрабабки в честь ее помолвки.

И из этого разрыва в пространстве вывалилась ОНА.

Сначала я увидел чемодан. Старый, советский, из жесткого коричневого кожзаменителя, с оторванной ручкой, которая была примотана полоской скотча. На боку чемодана красовалась наклейка с надписью «Аэрофлот» и изображением смешного самолетика. Потом я увидел ноги. Девушка, судя по всему, пыталась удержать равновесие, но портал выплюнул её слишком резко. Она цеплялась свободной рукой за воздух, а её длинные ноги в смешных голубых кедах с белой подошвой отчаянно мелькали, пытаясь найти хоть какую-то опору. Один кед, кстати, был развязан, и шнурок болтался, как язык у собаки. А потом я увидел её лицо.

И забыл, как дышать.

Растерянное, злое, с огромными серо-зелеными глазами, в которых плескался самый настоящий ужас, пополам с диким, животным любопытством. Растрепанные рыжие волосы с выгоревшими на солнце прядями торчали в разные стороны. На правой щеке — красный след от подушки, на плече — сползшая лямка простой белой майки. Она была такой... живой. Такой нелепой, такой чужой, такой неправильной в этом идеально выверенном, стерильном, застывшем пространстве моей гостиной. И такой чертовски, до ломоты в зубах, симпатичной.

Мы уставились друг на друга.

В гостиной повисла звенящая пауза. Догорали последние искры портала, втягиваясь обратно в никуда. Где-то за окном глупо, нарушая всю идиллию, чирикнула какая-то птица. И

с моей любимой вазы селадонového фарфора эпохи ранних Альдебаранов, которая стояла на журнальном столике, сорвалась и с тишайшим звуком упала на полированную поверхность одна-единственная пылинка. В этой тишине её падение прозвучало как гром.

Девушка часто дышала, её грудь под майкой вздымалась, и она сжимала ручку чемодана так, будто это была единственная ниточка, удерживающая её в реальности. Костяшки её пальцев побелели.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать. Я видел, как в её глазах страх сменяется попыткой осмыслить происходящее, а затем — гневом. Она готовилась к атаке. К крику. К истерике.

Я опередил её.

За два столетия я научился одному блестящему приему: если хочешь сбить с толку собеседника, делай то, чего он меньше всего ожидает. Я надел на лицо ту самую маску — маску невозмутимого, слегка утомленного высокомерия, которую оттачивал веками. Маску аристократа, которого не может удивить ничто, даже падение девушки из портала посреди гостиной.

— Кофе будете? — спросил я, лениво кивнув в сторону дымящейся чашки на столике.

Мой голос прозвучал в тишине как удар хлыста. Спокойный, чуть хрипловатый со сна, с нотками снисходительной скуки.

Эффект превзошел все мои самые смелые ожидания.

Она захлопнула рот. Потом снова открыла. Её лицо, и без того выразительное, превратилось в театральную маску, на которой сменяли друг друга все мыслимые эмоции. Шок сменился недоверием. Недоверие — диким, почти оскорбленным возмущением. А возмущение — яростной, обжигающей решимостью. Любой актер местного театра, увидев такую гамму чувств, удавился бы от зависти прямо на месте.

— Что? — выдохнула она. Голос у нее оказался чуть хрипловатым, но звонким. — Какой кофе?! Вы кто такой?! И где, вообще, мой дом?!

С каждым словом её голос крепчал, наливаясь силой. Она сделала шаг вперед, полная праведного гнева, и, конечно же, немедленно споткнулась о край того самого эльфийского ковра. Огромная, тяжелая нога, наступившая на нежнейшую вековую шерсть. Ковер, кажется, даже пискнул от возмущения. Девушка взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие. Чемодан, который она держала в другой руке, выскользнул из ослабевших пальцев и с оглушительным грохотом рухнул на пол. Его старая, разохшаяся обшивка жалобно треснула, и из-под крышки что-то посыпалось — кажется, пара носков и какая-то книжка в мягкой обложке.

Я подавил усмешку. Получилось с огромным трудом. Внутри меня что-то дрогнуло, сжалось и сладко заныло.

Она была прекрасна. Абсолютно, катастрофически, восхитительно прекрасна в своей ярости и растерянности. Эта

взлохмаченная голова, этот дикий взгляд, этот ужасный чемодан, эти нелепые кеды... Все в ней кричало о хаосе, о жизни, о мире, полном шума, суеты и эмоций. О том, чего я был лишен два столетия.

Я поймал себя на мысли, что не хочу, чтобы это заканчивалось. Не хочу, чтобы она испарилась так же внезапно, как появилась.

Ну вот, соседи и в этом мире достались мне те еще. Демоны их раздери, я ушел в добровольное изгнание в этот мир, в этот дом, чтобы никого не видеть и не слышать. Чтобы насладиться тишиной и покоем. А судьба, эта старая насмешница, подкидывает мне девушку с разваливающимся чемоданом прямо в гостиную.

Я медленно поднялся с кресла. Движения мои были плавными, отточенными, как у хищника, вышедшего на охоту. Я поправил полы длинного шелкового халата — темно-вишневого, с золотым шитьем по вороту, доставшегося мне от деда, который, по слухам, носил его на прием к самому императору. Взял со столика свою чашку с кофе, не спеша сделал глоток, наслаждаясь терпким, чуть горьковатым вкусом, и только потом заговорил, не сводя с неё глаз.

— Во-первых, — начал я максимально спокойным тоном, каким обычно разговаривают с буйными пациентами в лечебнице для душевнобольных или с маленькими щенками, которые только что нагадили в хозяйские тапки. — Вы находитесь в моем доме. В моем личном, частном владении,

которое находится в моем личном, частном мире. И ваше появление здесь, — я сделал паузу, обводя рукой гостиную, — является вопиющим нарушением не только моих личных границ, но и, смею предположить, базовых законов межмировой этики. А во-вторых, — я позволил себе легкую, чуть насмешливую, как мне казалось, обезоруживающую улыбку, — не желаете ли представиться, прежде чем требовать объяснений и предъявлять права на чужую собственность?

Она вспыхнула. Яркий, ровный румянец залил её щеки, спустился на шею и, кажется, ушел куда-то под майку. Это было завораживающее зрелище. Она выпрямилась, насколько ей позволяла сползшая лямка, одернула ту самую дурацкую майку с надписью, которую я сначала не разглядел. «Моя твоя не понимай», — гласила она. Идиотизм ситуации достиг своего апогея. Она вздернула подбородок и посмотрела на меня с вызовом.

— Я — хозяйка этого дома! — отчеканила она, четко выговаривая каждое слово.

Боги, как же это было сказано! В её голосе звучала такая непоколебимая вера в собственную правоту, такая стальная уверенность, что я на одну безумную секунду даже засомневался, не сошел ли с ума я сам? Может, это я сплю? Может, это я вторгся в её реальность? Может, это мое кресло, моя чашка, мой халат — всё на самом деле её, а я тут самозванец?

Я сделал еще один глоток кофе, смакуя терпкий вкус и наблюдая за ней поверх фарфорового края чашки. Она стояла

посреди моей гостиной, в лучах утреннего солнца, с этим чудовищным чемоданом, из которого теперь торчал уголок розового носка, в майке с идиотской надписью, и пылала праведным, искренним гневом.

Она была великолепна. Абсолютно, безнадежно, восхитительно великолепна.

Я мысленно прикинул варианты. Прогнать её силой? Легко. Стереть память? Пара секунд. Отправить обратно, откуда пришла? Тоже не проблема. Но зачем? Скука — это болезнь страшнее любой магической хвори. А тут такое развлечение само свалилось на голову.

Интересно, сколько она продержится, прежде чем сбежит обратно в свою реальность? День? Два? Неделя? Или, может быть, сломается и попросит помощи?

Я поставил чашку на стол. Четким, уверенным движением.

— Что ж, хозяйюшка, — протянул я, вкладывая в это слово максимум возможной иронии, смешанной с ленивой снисходительностью. — Добро пожаловать домой. Располагайтесь. Чувствуйте себя как... ну, вы поняли. Только учтите, горничная сегодня выходная, так что постель придется стелить самой. Вон там, налево по коридору, гостевая спальня. Простыни в шкафу, надеюсь, моль их не тронула.

И я, развернувшись на каблуках, не спеша, с чувством собственного достоинства, которое могло бы позавидать любой павлин, направился обратно в свой кабинет. Я мысленно

начал досчитывать до десяти.

Один... два... три... четыре...

— Да как вы смеете?! — взорвалось у меня за спиной. Её голос звенел от негодования.

Пять. Отлично. Она не сбежала сразу. Она не потеряла сознание. Она вступила в игру.

Я усмехнулся, входя в прохладный полумрак кабинета, заставленного книгами и магическими артефактами.

Скучная, размеренная, идеально выверенная жизнь закончилась в ту самую секунду, когда пространство в моей гостиной истончилось до состояния мыльного пузыря. И, кажется, началось нечто гораздо более интересное, непредсказуемое и, осмелюсь предположить, опасное.

Я подошел к окну, выходящему в сад, и посмотрел на идеальные, стриженные кусты. Впервые за двести лет они показались мне до ужаса скучными.

За моей спиной в гостиной что-то грохнуло — кажется, она пнула свой чемодан, — и раздался полный ярости, но такой живой голос:

— Эй, чучело в халате! Я с тобой не договорила! Немедленно вернись и объясни, что происходит!

Чучело в халате. Меня еще никто так не называл. Я широко улыбнулся своему отражению в оконном стекле.

Нет, определенно, это будет весело.

Глава 1. Подарок судьбы (или издевательство?)

Знаете, есть два типа писем, которые реально меняют жизнь: повестка в суд и уведомление о выигрыше в лоте­рею. Моё оказалось третьим вариантом — таким, от которого мозг закипает, а сердце ухает в пятки, но почему-то хочется плясать.

Представьте: обычный вторник. Я, Лена Ветрова, королева ипотечного ада и элитных сделок с недвижимостью (сама при этом живу в студии, где плита бьёт током, а холодильник гудит как раненый мамонт). Утро началось с того, что будильник орал так, будто за мной выехала инкассаторская машина, кофе в закромах не водился уже неделю, а любимые колготки предательски поползли стрелкой ровно в тот момент, когда я вышла из подъезда. В общем, дно, но привычное.

В обед — звонок. Почта России, мать их. «Гражданка Ветрова, вам заказное. Заберите, а то мы закроемся, и гуляйте тогда до понедельника». Пришлось тащиться в этот сортир, жуя на бегу пирожок с повидлом и молясь всем богам офисного дресс-кода, чтобы эта липкая гадость не шмякнулась на блузку.

И вот я стою в очереди, вся такая деловая колбаса, и тут

мне в руки суют конверт. Старинный. Толстый. С сургучной печатью, на которой красуется герб с какими-то ветрами и птицами. Обратный адрес меня добил: «Усадьба «Ветрово», Мир Срединный, Долина Ветров, 13».

Я тупо моргаю. Перевожу взгляд на почтальоншу. Та смотрит на меня как на дурочку.

— А где это? — спрашиваю. — Новостройки в Новой Москве? Или это у них теперь названия такие креативные?

Она пожимает плечами, мол, берите, что дают, и не задерживайте очередь.

Я сунула этот артефакт в сумку и побежала обратно в офис, мысленно посылая шутника куда подальше. Решила, что это какая-то элитная реклама: мол, купи дом — получи портал в Нарнию.

Домой я вползла в десятом часу вечера. Уставшая как сто тысяч собак, которых одновременно вели на поводках в разные стороны. Ноги гудят, клиентка с бюджетом «тысяч так пятьсот, но чтоб в центре и с евроремонтом» сожрала все нервные клетки, которые копились с прошлого года. Я рухнула на продавленный диван, включила телик для фона и напнулась рукой на конверт, торчащий из сумки.

— Ну давай, — сказала я пустоте, — повесели меня.

Вскрыла. Внутри — плотный лист, пахнущий старым чердаком и почему-то шоколадом, и фотография. Чёрно-белая. И на ней — дом. Не просто дом, а мечта идиота: с башенками, резными наличниками, огромными окнами, стоит на

холме, вокруг сады цветут, а вдалеке горы. Я чуть с дивана не упала.

Разворачиваю письмо. Почерк витиеватый, с завитушками, как у моей прабабки, которая любила писать рецепты на промокашках.

«Дорогая моя правнучка (в седьмом колене, если по чесноку)!

Пишет тебе твоя пра-пра-пра-бабка Агата. Да-да, та самая, которую в семье считали чокнутой и которая ушла в лес за грибами в 1913 году и сгинула. Так вот, я не сгинула, я просто нашла портал, вышла замуж за мага (красивый, гад, был, словно демон из сериала), нарожала детей и построила этот дом. И теперь, чувствую, пора передавать недвижимость по наследству.

Я уйду в лучший мир (маги живут долго, но вечность никто не отменял), а дом оставлять без присмотра нельзя. Тут, понимаешь, сосед нарисовался — наглый маг, каких свет не видывал. Считает себя хозяином окрестных земель и всё норовит свой забор подвинуть. Но бумаги на меня, а я оформляю дарственную на тебя. Ты — моя единственная кровная родственница с нашей фамилией, и судя по твоей фотке в Инстаграме (да, я и туда заглядываю, магия позволяет), ты пока не в ипотечном рабстве и мужика у тебя нет. Значит, судьба.

Адрес: ул. Центральная, 1, Долина Ветров. Портал ищи на месте бывшей усадьбы Ветровых в Ярославской области. Он ещё работает, я проверяла.

Приезжай, доча. Дом большой. Места хватит. Даже этому наглому магу, если он сам не съедет, но это уже твои проблемы. Разбирайся сама, ты девка современная.

Люблю и целую. Твоя прабабка Агата.

P.S. Ключи в глиняном горшке под крыльцом. Только аккуратно: там живёт снаглый кот. Он размером с доброго ротвейлера и кусается, зараз. Но ты его печеньками задобри».

Я перечитала письмо раз, другой, третий. Потом встала, подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

— Лена, — сказала я своему отражению, — либо ты переработала, либо кофе был с чем-то запрещённым, либо...

Я заржала. Громко, в голос, до слёз. Ярославская область. Портал. Маг-сосед. Кот размером с ротвейлера. Прабабка, которая шарится в моём Инстаграме из другого мира.

Я включила комп. Набрала «Долина Ветров». Ноль. «Мир Срединный». Вылезла какая-то фэнтезятина про попаданцев. Поисковик явно не в курсе, что параллельные измерения существуют.

Здравый смысл кричал: «Выкинь это в мусорку, ложись

спать, завтра на работу, снова колготки, снова клиенты, снова эта серая мышинная возня!»

Я посмотрела на фотографию. Дом смотрел на меня своими окнами-глазами. В них отражалось солнце, сады цвели, горы синели, и там, в этой картинке, не было начальника-козла, не было ипотеки, не было вечно рвущихся колготок. А ещё там был какой-то наглый маг, который, видите ли, считает себя хозяином.

— Ну погоди, сосед, — пробормотала я, чувствуя, как внутри закипает азарт. — Ярославская область, говоришь? Портал? Кот-кусака?

Я набрала подругу.

— Кать, привет. Ты завтра работаешь?

— Ну да, — зевнула она. — А че?

— Бери отгул. Нужно проводить меня в другой мир. Я наследство получаю.

Пауза. Тяжёлая, как бетонная плита.

— Лена, ты пьёшь одна? — голос Катки стал подозрительным. — Сиди на месте, я сейчас приеду. Не пей без меня, это опасно!

На следующий день мы стояли посреди Ярославского леса. Карты показывали, что здесь когда-то была деревня Ветрово. Сейчас — бурелом, глухомань, комары размером с воробья и полное ощущение, что мы в хоррор-фильме застряли.

— Ты точно уверена? — Катка куталась в куртку и смот-

рела на меня как на умалишённую, сбежавшую из палаты номер шесть. — Тут только леший живёт, и тот, наверное, в ипотеку квартиру снимает.

— По карте прабабки тут фундамент усадьбы, — я сверялась с мятым листком, продираясь сквозь крапиву.

И тут я его увидела. Фундамент. Старый, замшелый, заросший бурьяном по пояс. А в центре этого прямоугольника воздух был... мутный. Как будто стекло дрожит. Как марево над асфальтом, только в лесу, осенью.

— Кать, — прошептала я. — Смотри.

— Куда? — она ничего не видела.

А я видела. Воздух искрил, пахло озоном и, блин, шоколадом. Настоящим тёмным шоколадом. Я сделала шаг вперёд.

— Ты куда?! — Катька вцепилась мне в руку.

— Если через полчаса не вернусь, вызывай МЧС. Или санитаров. Сама не знаю.

Я вырвала руку и шагнула в это марево.

Ощущение было такое, будто я нырнула в ледяную прорубь, только вода оказалась тёплой и густой, как кисель. Меня завертело, выкрутило, прожало насквозь и выплюнуло. Я зажмурилась, в ушах зазвенел колокольчик, и...

Я открыла глаза. И стою по колено в ромашках. Солнце — яркое, золотое, как в Крыму. Пахнет мёдом, мятой и свободой. Кузнечики стрекочут. А на холме, метрах в пятистах, стоит ОН. Мой дом. С фотографии. Целый, настоящий, с ба-

шенками, с резьбой, с распахнутыми окнами, из которых, кажется, доносится музыка.

— Охренеть, — выдохнула я. — Я сделала это.

Обернулась. Позади — только поле, дорога и далёкие горы. Никакого леса, никакой Ярославской области. Портал хлопнулся, отрезав мне путь назад.

Я стояла посреди другого мира. С чемоданом, в кедах, с трясущимися коленками и ощущением, что жизнь только что ломанулась под откос, но в самый кайфовый откос на свете. Внутри что-то щёлкнуло. Магически. Громко. Как хлопнувшаяся дверь в прошлое.

— Ну, прабабка, — сказала я вслух, подхватывая чемодан и чувствуя, как по спине бежит электрический ток предвкушения. — Держись, наследница идёт! Сейчас будем знакомиться с твоим хозяйством и разбираться с этим наглым магом. Посмотрим, кто из нас тут настоящая хозяйка, а кто так, сосед-понаехал.

Я бодро зашагала к дому. Чемодон подпрыгивал на кочках, ромашки хлестали по ногам, а в голове крутилась только одна мысль: «Господи, лишь бы этот кот в горшке под крыльцом меня не сожрал до того, как я увижу этого мага в халате».

И знаете что? Я даже не представляла, насколько пророческой окажется эта мысль. Потому что через пятнадцать минут я уже стояла посреди гостиной, таращилась на мужика в шёлковом халате (идеальный, гад, как с обложки), а он, ле-

ниво потягиваясь, спросил:

— Кофе будете? Или сразу приступим к дележу территории?

Но это уже совсем другая история. История про то, как я чуть не убила мага сковородкой, как подружилась с котом-терминатором и как поняла, что домовый — это не страшно, это просто такой занудный родственник, который вечно требует уборки.

Глава 2. Мой дом? Ваши проблемы

Дом оказался еще прекраснее, чем на фотографиях, которые я разглядывала ночи напролет, лежа в своей съемной «однушке» с видом на помойку. Настолько прекраснее, что у меня буквально перехватило дыхание, едва я вышла из такси и сделала первые шаги по усыпанной гравием дорожке.

Я остановилась, как вкопанная, и просто впитывала эту картину, пытаюсь поверить, что все это теперь мое.

Стены из светлого камня, теплого, медового оттенка, были увиты плющом. Листья у плюща оказались такими крупными, что в каждом из них вполне мог бы спрятаться кот — с хвостом и усами. Огромные окна с частым переплетом были похожи на стрекозиные глаза, и за ними угадывались легкие кружевные занавески. Крыша из терракотовой черепицы, местами поросшая бархатистым мхом, отчего дом казался не старым и заброшенным, а солидным, уютным, настоящим — таким, который помнит столетия, но не грузит этим.

Вокруг крыльца цвели кусты, каких я в жизни не видела. Целые шапки сиреневых бутонов — размером с мою голову — и серебристые листья, которые шелестели сами по себе, даже когда воздух стоял совершенно неподвижно. У самого крыльца роняли лепестки розы. Я говорю «розы», но это были не кусты, а именно деревья. Высотой с двухэтажный дом.

С их ветвей свисали лианы с мелкими цветами, а по этим лианам, не торопясь, ползали светлячки. Но не наши, обычные, а размером с крупную вишню, оставляя за собой в воздухе светящиеся, медленно тающие дорожки.

— Мапочки... — выдохнула я, чувствуя, как к глазам подступают слезы счастья.

Воздух здесь был особенным. Он пах так, будто кто-то гениальный смешал лаванду, свежую выпечку с корицей и утреннюю росу, добавив щепотку чего-то сладкого, неуловимого. Где-то в глубине сада звенел серебряный колокольчик, и ему вторило пение птиц. Они щебетали как соловьи, но трели были сложнее, с переливами, от которых мурашки бежали по коже.

Я засмеялась от чистой, детской радости, запрокинув голову к солнцу. Мой дом! Без ипотеки, которую мне бы ни в жизнь не одобрили! Без соседей за стенкой, которые слушают «Радио Шансон»! Без тараканов, что бегают по трубам и норовят утонуть у меня в супе! Я — хозяйка! Я — барыня! Аристократка, черт возьми! Сейчас я зайду, брошу этот тяжеленный чемодан, упаду на пушистый ковер и буду валяться, пиная в воздухе ногами и визжа от счастья, как ненормальная.

Я рванула к крыльцу, перепрыгивая через ступеньку. Глиняный горшок для ключей стоял на месте, под окном, как и говорилось в письме нотариуса. Рядом с ним в траве, свернувшись клубочком, дремал пушистый зверек размером с

крупного кота. Мордочка у него была хомячья, с толстыми щеками, а шерсть — густая, серебристо-серая. Садовый хомяк, надо же. Он приоткрыл один глаз-бусинку, фыркнул на меня и снова закрыл. Не стал кусаться, не убежал. Что ж, с соседями мне уже определенно везет.

Я сунула руку в горшок, нашарила на дне ключи — тяжелые, чугунные, с витиеватой старинной бородкой — и с чувством исполнения давней мечты вставила их в замочную скважину. Замок щелкнул с таким мелодичным звоном, будто внутри у него были не шестеренки, а камертон.

Дверь распахнулась.

Я влетела внутрь, готовая к объятиям нового дома, к запаху старины, книг и лаванды, к камину, к уюту, к счастью...

И застыла, споткнувшись о порог, но не упав лишь чудом. Посреди гостиной, в кресле, сидел ОН.

Если вы прямо сейчас представили себе древнего седого мага в длинной мантии, с посохом и бородой по пояс — немедленно выкиньте эту картинку из головы. Передо мной сидел мужчина. Самый обычный мужчина, если не считать того, что обычные мужчины в чужих домах просто так не сидят.

Он развалился в кресле с такой небрежной грацией, будто это кресло принадлежало ему по праву рождения, по праву вселенной и по праву последних лет так двести. На нем был халат. Самый будничный, на первый взгляд, халат из мягкой, явно дорогой, темно-синей ткани, чуть распахнутый на гру-

ди, открывающий вид на рельефные мышцы и смуглую кожу. Ноги в мягких кожаных туфлях покоились на пуфике, обитом бархатом. В одной руке он держал фарфоровую чашку, от которой поднимался легкий пар. Кофе. Он пил кофе. В МОЕЙ гостиной. В МОЕМ кресле.

И смотрел на меня.

Знаете, как смотрят на таракана, который неожиданно и нагло выполз из-за плинтуса прямо во время ужина? Без злости, без страха, а с легкой брезгливой задумчивостью: «Ну и чего ты хочешь, глупое создание? И главное, как бы тебя отсюда выпроводить, чтобы не испачкаться».

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова. Гениальная, отрешенная в такси речь о том, как я поставлю наглеца на место, разлетелась в прах, не успев родиться.

— Вы кто такой? — выдавила я наконец, и голос мой прозвучал как-то сипло и жалобно. Я сжала ручку чемодана так, что костяшки пальцев побелели. — И что вы делаете в моем доме?

— В вашем? — Его бровь медленно поползла вверх. Породистая такая, темная, идеально выгнутая бровь. — Милая девушка, вы, видимо, ошиблись дверью. И миром, кстати, тоже. Со мной такое бывает, ничего страшного, сейчас я вас отправлю обратно, только скажите координаты.

— Я не ошибалась! — Мой голос предательски дрогнул и сорвался на фальцет, что было особенно обидно. — У меня документы! Письмо! Дарственная!

Я выпустила чемодан (он жалобно грохнулся об пол, и, кажется, внутри что-то хрустнуло) и принялась лихорадочно рыться в сумке, висящей на плече. Письмо, где ты?! Ага, вот!

Я выхватила помятый конверт с гербовой печатью и помахала им в воздухе, как флагом на захваченной, но еще не сдавшейся территории.

— Вот! От моей прапрапрабабки Агаты Ветровой! Дом теперь мой! По праву наследования! А вы — самозванец и наглец! Немедленно вставайте и убирайтесь!

Мужчина поставил чашку на столик красного дерева. Медленно, плавно, с ленивой грацией крупного хищника, который только что сытно пообедал и теперь раздумывает: поиграть с пробегающей мимо мышкой или просто прихлопнуть ее лапой, чтобы не дергалась. Он поднялся из кресла.

И тут я поняла, насколько он огромный.

Нет, не толстый. В смысле — высокий, широкоплечий, с разворотом, от которого у любой гетеросексуальной женщины перехватило бы дыхание, даже если бы эта женщина была убежденной феминисткой с членским билетом в кармане. Халат при движении распахнулся еще сильнее, и я успела заметить полоску смуглой кожи на плоском животе и край замысловатой татуировки, уходящей куда-то вниз, под пояс.

Я заставила себя смотреть ему в глаза. Глаза у него были светлые, серо-голубые, с темным ободком по краю радужки. Холодные, цепкие и при этом отчего-то бесконечно насмешливые. Он смотрел на меня, как на забавную зверушку.

— Позвольте взглянуть, — он протянул руку с длинными пальцами.

Я, как замороженная, вложила письмо в его ладонь. Он пробежал взглядом по строчкам. Всего одно мгновение. Уголок его губ дернулся, и на скулах заходили желваки — он пытался сдержать улыбку.

— Агата, значит, — протянул он с какой-то странной интонацией, в которой смешались узнавание, уважение и легкое раздражение. — Ну конечно. Старая интриганка. Я так и знал, что она что-нибудь учудит перед уходом. Не могла уйти тихо, без сюрприза.

— Что? — не поняла я, хлопая глазами. — Вы знали мою прапрабабку?

— Знал. — Он небрежно кинул письмо на столик, рядом с чашкой. — И даже очень хорошо. Лет сто пятьдесят, а может, и все сто шестьдесят она здесь прожила, пока не отбыла в лучший из миров. Но дом, дорогая моя наследница, принадлежит мне. И принадлежал всегда. Ваша прабабка была... как бы это помягче выразиться, чтобы не травмировать вашу нежную психику... гостьей. Квартиранткой. Нахалкой, которая вселилась без спроса и жила тут полтора века, прикрываясь старыми магическими договорами и своим невероятным обаянием.

— Врете! — выпалила я, чувствуя, как внутри закипает злость. Злость была моим спасательным кругом — она не давала мне утонуть в панике. — Все вы врете!

— Я? Вру? — Он усмехнулся. Усмешка у него была красивая, хищная, обнажающая ровные белые зубы. И бесила она меня невероятно. — Милая девушка, я живу в этом доме двести семь лет. Двести семь. Лет. Я строил его своими руками. Каждый камень в этом фундаменте, каждая балка в этой крыше, каждое дерево в саду, включая те розы, на которые вы засмотрелись. А ваша прабабка просто ворвалась сюда однажды верхом на метле, заявила, что у нее документы на право проживания, подписанные каким-то мелким чиновником из магической канцелярии, и нагло отказалась уходить. Я, как джентльмен, не стал вышвыривать даму на улицу. Решил, что поживет годик-другой, одумается и уйдет. Она прожила полтора века, приватизировала половину сада и теперь присылает мне вас.

У меня внутри все кипело и бурлило. С одной стороны — дикая, иррациональная злость на этого нахала в халате. С другой — холодный, липкий ужас: а вдруг он не врет? Вдруг прабабка Агата и правда была той еще авантюристкой и квартиранткой? Все сходится — письмо было каким-то странным, с недомолвками.

Но отступать я не привыкла. Я Ветрова. В моем роду были женщины, которые коней на скаку останавливали, и в горящие избы входили, и магам наглým на хвост наступали. Меня просто так на слабо не возьмешь.

— Документы покажите! — потребовала я, уперев руки в бока и выпятив подбородок. — Купчую, дарственную, вы-

писку из магического реестра недвижимости! Где доказательства, что это ваше?

Он посмотрел на меня с новым, более живым интересом. Кажется, я его удивила. Рассчитывал, видимо, что я разревусь, упаду в обморок или убегу с визгом.

— Документы? — переспросил он, делая шаг ко мне. — В этом мире, в отличие от вашего, право собственности доказывается не бумажками, которые можно подделать, потерять или сжечь, а магией. Дом — живой. Он признает хозяина. И он признает меня.

— А меня? — выпалила я, сама не зная, зачем это говорю. Просто чтобы не молчать, чтобы он не думал, что я уже сдалась.

— Вас? — Он окинул меня насмешливым взглядом. С головы до ног. Медленно, сантиметр за сантиметром. Так, что мне стало жарко даже в моей легкой футболке. — Ну, давайте проверим. Смелая вы девушка, как я погляжу. Или безрассудная.

Он шагнул в сторону, изящно, по-кошачьи, освобождая проход в центр гостиной.

— Проходите, хозяйюшка. Чувствуйте себя как дома. Если сможете.

Я сделала глубокий вдох, подхватила чемодан (игнорируя предательский хруст внутри) и шагнула вперед. Прошла мимо него, стараясь не дышать. Это было трудно, потому что от него пахло сандалом, дымом и еще чем-то древесным, горь-

коватым, до одури приятным и волнующим. Я оказалась в центре просторной гостиной, залитой солнцем.

— Ну и что дальше? — спросила я, оглядываясь по сторонам. — Должен загореться камин? Позвать меня по имени? Сплясать джигу?

— Что-то вроде того, — лениво ответил он, скрещивая руки на груди и прислоняясь плечом к косяку двери. — Только тише. Не кричите. Прислушайтесь. Почувствуйте.

Я хмыкнула, но замерла и прислушалась. Сначала я слышала только стук собственного сердца. А потом... я вдруг поняла, что чувствую дом. Не знаю, как объяснить это словами. Будто стены, пол, высокий потолок с лепниной, даже старый паркет — все это было не просто деревом и камнем. Это было живое, огромное, древнее существо. И оно смотрело на меня. Оценивало. Нюхало, как кот незнакомца, зашедшего на его территорию.

Я затаила дыхание.

А потом что-то щелкнуло. Не магически, не со вспышкой, а скорее... узнаваемо. Тепло. Мне явственно показалось, что половица под моими ногами чуть заметно, едва слышно скрипнула, но не угрожающе, а приветственно. Как старая собака виляет хвостом, не вставая с подстилки.

— Ого, — выдохнула я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

— Хм, — раздалось сзади. В голосе мага слышалось неподдельное, хоть и легкое удивление. — Интересно. Очень

интересно. Дом вас не вышвырнул. Более того... он вас признал. Не как хозяйку, нет. Но как свою. Значит, доля правды в словах Агаты есть, и вы действительно ее кровная родственница. Но это ничего не меняет, дорогая. Хозяин здесь я.

Он выделил последнее слово с таким нахальным самодовольством, что меня просто прорвало. Лавина гнева, страха, обиды и адреналина накрыла меня с головой.

— Ах ты наглый, самовлюбленный, халатный... — Я развернулась на каблуках и решительно пошла на него, сжимая кулаки. — Да я тебя!.. Да я!..

Я попыталась толкнуть его в грудь. Ну, знаете, чисто символически, чтобы сдвинуть с места, показать, кто тут главный и с кем не стоит шутить. Уперлась ладонями в его твердые, как каменная плита, грудные мышцы и нажала изо всех сил, вложив в этот толчок всю свою ярость и всю свою обиду.

Он даже не шелохнулся. Вообще. Ни на миллиметр. С таким же успехом я могла бы пытаться сдвинуть с места этот самый дом. Он только посмотрел сверху вниз на мои руки, лежащие на его груди, потом перевел взгляд мне в глаза, и в его серо-голубых глазах мелькнуло что-то такое... темное, опасное, древнее и при этом обжигающе-веселое одновременно.

— Так, значит? — тихо, почти ласково спросил он. — Война?

И небрежно щелкнул пальцами.

Я почувствовала странное шевеление на ногах. Опустила взгляд и обомлела: мои белые шнурки на кедах ожили. Они извивались, как змейки. Они развязались сами собой, быстро-быстро выскользнули из всех дырочек и туго обвились вокруг моих лодыжек, спеленав их по ноге.

Я попыталась сделать шаг, чтобы отступить, споткнулась об собственные развязанные кеды, взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие, и с тихим «Ой!» рухнула.

Прямо на пушистый ковер ручной работы. На пятую точку. С грохотом, с позором и с таким чувством вселенского фиаско, что хотелось немедленно провалиться сквозь землю.

Чемодан, который я так и не выпустила из руки, жалобно звякнув, дернулся за мной, стукнул меня по затылку углом и с противным звуком раскрылся, вываливая все мое скромное имущество прямо на драгоценный старинный паркет. Мои трусы — да, с зайчиками, потому что я их люблю, — носки, любимый растянутый свитер, косметичка (которая, конечно, раскрылась, рассыпав тени и помаду), зарядка от телефона, плед, пара книг в мягкой обложке...

Я сидела на полу, в центре этого безобразия, с задранной юбкой, растрепанными волосами, пылающими щеками и невыносимым, всепоглощающим позором, и смотрела снизу вверх на этого гада.

Он улыбался. Широко, открыто, довольно, как кот, который не просто съел сметану, а еще и опрокинул банку на голову собаки.

— Добро пожаловать домой, соседка, — проворковал он, даже не думая протягивать мне руку, чтобы помочь встать. — Трус у вас, кстати, прелесть. С зайчиками. Очень иронично, учитывая ситуацию. Прямо скажем, символично.

— Ка-а-ак ты... — прошипела я, чувствуя, как к глазам подступают слезы злости и унижения.

— Магия, — любезно пояснил он. — Мелочь, конечно, но в хозяйстве полезно. Особенно для борьбы с незваными гостями, которые пытаются толкаться.

Я зарычала. По-настоящему, как дикий зверь. Сквозь зубы, с ненавистью.

Война была объявлена. И я клянусь прабабкой Агатой, да упокоится ее хитрая душа в мире, этот наглый, самоуверенный красавчик у меня еще попляшет. Я заставлю его есть свои слова вместе с моими трусами с зайчиками.

Но сначала — встать. Собрать вещи. И сделать вид, что мне не хочется провалиться сквозь все двести семь лет его драгоценного паркета, рассыпавшись на атомы от стыда.

Я поджала губы, отвернулась и, стараясь не смотреть на него, принялась молча закидывать обратно в чемодан свои пожитки. А он стоял надо мной и даже не думал уходить. Просто стоял и смотрел. И улыбался.

Война так война. Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Глава 3. Два сапога — пара

Я смотрел на нее сверху вниз и чувствовал, как в груди разгорается что-то, чего я не испытывал уже очень давно. Интерес. Самый обычный, человеческий, теплый интерес. Тот самый, от которого в груди становится тесно, а в голове замолкает внутренний голос, годами твердивший: «Всё это уже было. Всё это не стоит твоего внимания».

Она сидела на полу в окружении разбросанных вещей, и это было настолько нелепое, настолько живое зрелище, что я на мгновение забыл, как дышать. Труссы в зайчиках — ярко-розовые, с дурацкими ушами на резинке — были выставлены напоказ, словно боевое знамя. Щеки пылали таким румянцем, что, казалось, им можно было бы обогреть зимой оранжерею. А в глазах полыхала такая ярость, что этой энергией действительно можно было зарядить небольшой магический артефакт лет на сто, а то и на двести. Волосы растрепались, выбившись из когда-то аккуратного пучка, на щеке — пылинки от моего ковра (персидский шелк, между прочим, ручная работа), губы дрожали от злости и унижения.

И она была прекрасна.

Нет, вы не понимайте меня превратно. Я не какой-нибудь старый развратник, который тащится от женских слёз. Я Алан Корвин. Двести лет. Маг высшего порядка, артефактор, чьи работы хранятся в закрытых коллекциях королев-

ских домов трех миров. Я видел много красивых женщин. Магических дам высшего света, чьи лица были отточены веками селекции чистой крови. Утонченных эльфиек с фигурами, выточенными из лунного света. Страстных девиц, от одного взгляда которых плавилась плоть. Но все они были предсказуемы, как старые заклинания из школьного учебника. Ты всегда знаешь, что они скажут, как посмотрят, чем закончат. С ней было иначе. Я понятия не имел, что она выкинет в следующую секунду. Заплачет? Кинется с кулаками? Потребуется адвокат? Предложит выпить? И это отсутствие сценария, эта полная непредсказуемость пьянила похлеще драконьего вина, которое я не пил уже лет сто, потому что от него тупеешь.

Я щелкнул пальцами — легкое движение кисти, едва заметное — и вернул шнурки на место. Простейшая манипуляция с тканью, уровень детского сада. Она дернулась,глянула на свои дурацкие кеды, потом на меня. В глазах полыхнуло сообщение без слов, чистая телепатия эмоций: «Убью гада. Медленно. Этой же шваброй, которая, кажется, тут живая».

— Вставайте, — миролюбиво предложил я, протягивая руку. Ладонь у меня чистая, ухоженная, но мозолистая от работы с инструментами. — Пол холодный. Камень, знаете ли, даже с подогревом не спасает.

— Сам вставай! — рявкнула она и попыталась подняться самостоятельно. Грация разъяренного котенка, который по-

скользнулся на паркете.

Но кеды, только что пережившие магическое нападение и последующее исцеление, вели себя как живые. Один шнурок, видимо, обидевшись за насилие над своей структурой, снова развязался с каким-то издевательским щелчком. Она наступила на него и едва не рухнула снова, взмахнув руками, как подстреленная птица. Пришлось все-таки подхватить ее за локоть.

От нее пахло. Это было самое странное. Не магическими духами с феромонами, не благовониями, не эссенциями. От нее пахло мылом — самым простым, дешевым, мыльным мылом. И городом — пылью, асфальтом, выхлопными газами, ветром. И чем-то неуловимо родным. Домом, что ли? Тем местом, которого у меня не было уже двести лет, с тех пор как я покинул родовое гнездо. Я почувствовал, как по руке побежали мурашки — впервые за последние сто пятьдесят лет, когда я обжегся о раскаленный артефакт, — и поспешил отпустить её.

— Спасибо, — буркнула она, отряхивая юбку и начиная судорожно собирать разбросанные вещи обратно в чемодан. Свитер, носки, какой-то смешной бюстгальтер с рюшами, книжка в мягкой обложке с полуголым мужиком на обложке... Я демонстративно отвернулся к камину, чтобы не смущать ее еще больше. Хотя кого я обманываю — чтобы не смущаться самому. Мои щеки, кажется, тоже приобрели легкий розоватый оттенок. Двести лет, а туда же.

— Значит так, — заговорил я, стараясь придать голосу максимум спокойной уверенности, пока она возилась на полу. — Давайте спокойно все обсудим. Без трусов, без криков, без попыток убийства.

— Обсуждать нечего! — донеслось снизу, приглушенно, потому что она, кажется, зарылась лицом в ворох белья. — Мой дом! Моя прабабка! Мои трусы, в конце концов, на которые ты пялился! Это вещдоки!

— Я не пялился. — Я все-таки обернулся. Она стояла на коленях, пытаясь застегнуть переполненный чемодан. — Я констатировал факт наличия рисунка. Зайцы, кстати, символизируют плодородие и удачу в некоторых древних культах. И вообще, предлагаю перемирие.

Она замерла. Подняла голову. В глазах — недоверие, подозрительность и жгучее, почти неприличное любопытство. Так смотрят на редкий экспонат в музее, который вдруг заговорил.

— Какое еще перемирие?

Я прошел к креслу у камина, сел, жестом приглашая ее занять диван напротив. Она поколебалась, но села. Чемодан поставила рядом, как баррикаду, положив на него руки. Милая. Смешная. Упрямая.

— Перемирие на одну ночь, — сказал я максимально мирным тоном. — За окном, как видите, темнеет. Быстро, кстати, темнеет, атмосфера тут другая. Портал, через который вы пришли, схлопнулся. Я его даже не почувствовал, настолько

он был тонко настроен. Откроется снова неизвестно когда — может, через час, может, через год. Ночуйте здесь. Утром решим, что делать.

— Здесь? — Она обвела взглядом гостиную. Книжные шкафы до потолка, чучело василиска под стеклом, карты звездного неба на стенах, коллекция посохов в углу. — С тобой? Под одной крышей?

— Крыша большая, — усмехнулся я, наблюдая, как огонь от камина играет на её лице. — Шиферная, между прочим, с громоотводом от магических штормов. Места хватит. Я предлагаю вам комнату на втором этаже. Гостевая. С нормальной кроватью, ванной с горячей водой и видом на сад. Не ночевать же в лесу, в самом деле. Там, знаете ли, не только волки размером с лошадь, но и кое-что похуже. Например, зайцы. Плодовитые и злые.

Она закусила губу. Белые зубки впились в нижнюю губу, и я поймал себя на том, что слежу за этим движением. Я видел, как в ней борются гордость и здравый смысл. Гордость орала: «Пошли его подальше, это территория врага, не принимай подачек!». Здравый смысл, который у неё, судя по всему, был хорошо развит, нашептывал: «Лес, ночь, чужие миры, волки, зайцы, неизвестность».

Здравый смысл победил. Она шумно выдохнула, и я понял, что всё это время сам сдерживал дыхание.

— Ладно, — процедила она. — Одну ночь. Но завтра ты покажешь мне документы. Или портал обратно. Или что там

у вас тут вообще есть для доказательства правды. Завещание, дарственная, магический договор с кровью — мне всё равно.

— Договорились. — Я чуть наклонил голову, признавая её правоту и силу духа. — Меня, кстати, Алан зовут. Алан Корвин. Маг, артефактор, владелец этого дома по праву рождения и магической крови. И да, я действительно живу здесь двести лет.

— Ветрова я. — Она вздернула подбородок, и я снова увидел этот вызов в глазах. — Ольга Ветрова. Можно Оля. Правнучка (в седьмом колене, как я понимаю) той самой Агаты, которая, судя по всему, была той еще авантюристкой и проходимкой.

— О, это мягко сказано, — не удержался я, чувствуя, как губы сами расплываются в улыбке. — Ваша прабабка, уважаемая Оля, умудрилась обвести вокруг пальца трех магических инспекторов (один из них потом ушел в монастырь), местного градоначальника (он до сих пор вздрагивает при слове «пирожки») и меня лично. Я до сих пор не понимаю, как ей удалось прожить тут полтора века, не заплатив мне ни монеты, и при этом умереть своей смертью в постели. Она, кажется, даже мою домовую швабру подкупила.

Ольга фыркнула. Коротко, удивленно и весело. Кажется, образ прабабки в ее глазах становился все более привлекательным. Она явно узнавала в ней родственную душу.

— Значит, мы родня по духу, — заявила она. — Я тоже

никому не плачу. Особенно наглым магам в халатах, которые врываются в мою жизнь и развязывают мне шнуры.

— Заметно. — Я поднялся из кресла, чувствуя в коленях непривычную легкость. — Пойдемте, провожу вас в комнату. Заодно покажу, где кухня. Голодная небось с дороги? Переход между мирами отнимает много энергии.

Она хотела сказать «нет». Я видел это по её сжатым губам и нахмуренным бровям. Она хотела отказаться, чтобы не быть обязанной. Но организм взял свое. Живот предательски заурчал. Громко, требовательно, с обидой, как будто его не кормили неделю.

Я сделал вид, что закашлялся, прикрывая рот кулаком, чтобы скрыть улыбку. Сделал вид, что не услышал ничего, кроме сквозняка. И мы пошли наверх.

Пока она осваивалась в комнате (я слышал, как она охнула, увидев кровать с балдахином, и как что-то уронила на пол — кажется, вазу), я спустился вниз и застыл у окна в гостиной, глядя на закат.

Небо надо мной полыхало алым и золотым. Здесь, в этом мире, закаты были особенными — долгими, густыми, как старое вино. Я стоял и смотрел на эту красоту, которую видел уже тысячи раз, но сейчас она казалась мне... новой.

Странно. Совсем странно.

Я ведь действительно живу здесь двести лет. Два века одиночества, тишины, размеренного существования. Я устал от магического общества, от бесконечных интриг, от женщин,

которые видели во мне только титул, возможности и вечную жизнь. Я ушел в добровольное изгнание, поставил защиты, отключил порталы, чтобы никто не трогал мою душу, истертую в пыль предательством и годами.

И тут является она. Падает посреди моей идеально чистой гостиной с дешевым чемоданом, набитым смешными трусами и любовными романами, и заявляет права на мою жизнь. На мой дом. На мое одиночество.

Первая мысль, когда она материализовалась в круге света, была: «Вышвырнуть вон, пока портал не закрылся». Легким движением руки, одним пассом, я мог бы отправить ее обратно, даже не заметив. Раз — и нет проблемы. Но что-то остановило. Сначала — шок от ее появления. Слишком яркого, слишком нелепого. Потом — ее глаза. В них не было расчетливости. Совсем. Не было этого липкого, приторного желания что-то получить, обмануть, втереться в доверие, соблазнить. В них был только боевой задор, искренняя, чистая злость и детское, почти трогательное: «Это мое! Я пришла! Отдай!».

Я видел много женщин. Красивых, умных, изощренных, опасных. Но такой живой, настоящей, не притворяющейся — не видел никогда.

Она не проломила портал сама. У нее нет магии, я это сразу почувствовал — ни капли, пустой сосуд. Значит, ее действительно закинула сюда Агата. Старая интриганка, которую я помнил еще бойкой девчонкой с хитринкой в глазах,

явно что-то задумала. Но что? Зачем ей понадобилось отправлять правнучку в другой мир, к одинокому, уставшему от жизни магу? В приданое? В качестве троянского коня? Или просто чтобы насолить мне с того света?

Вариантов было несколько, и все они, если честно, меня настораживали. Но вместе с настороженностью пришло и другое чувство, забытое, почти атрофировавшееся — азарт.

Я улыбнулся своему отражению в оконном стекле. Из темноты на меня смотрел мужчина с посеребренными висками, усталыми глазами и кривой, почти хулиганской улыбкой. Двести лет скуки. Двести лет предсказуемости. Двести лет тишины. И тут — ОНА.

В этот момент сверху донесся грохот. Потом еще один, сильнее. Потом ее голос, полный неподдельного ужаса и возмущения:

— АААА! АААА! Оно живое! Оно на меня смотрит!

Я усмехнулся, покачал головой и, прихватив с каминной полки магический фонарик (на всякий случай, мало ли, какое чудовище она там разбудила), не спеша пошел вверх. Сердце почему-то колотилось быстрее обычного.

Она стояла посреди коридора второго этажа, прижавшись спиной к стене, вжавшись в неё так, будто хотела стать частью штукатурки. Глаза круглые, рот открыт, руки раскинуты, словно она пыталась удержать равновесие на краю пропасти. И с ужасом смотрела на швабру. Обычную деревянную швабру с мочалкой на конце, которая уже лет пятьдесят

стояла в углу у окна. Только сейчас швабра не просто стояла. Она дрожала, мелко-мелко, вибрируя всем своим черенком, и тихонько подвывала — тоненько, жалобно, обиженно.

— Что это?! — выдохнула Ольга, не сводя с неё глаз. — Что ЭТО такое?!

— Домовой, — спокойно ответил я, зажигая фонарик. Тот послушно засветился теплым желтым светом. — Точнее, его прислужник. Убирает по ночам, моет полы, выбивает ковры. Вы его, видимо, разбудили своим топотом. Или криками. Они этого не любят.

— Оно УБИРАЕТСЯ? — Она перевела на меня дикий, непонимающий взгляд, полный ужаса и неверия. — Это... это швабра! Она должна мыть полы, а не выть! И не трястись! И не смотреть на меня своим... своим черенком!

— Ну да. Убирается. А вы чего испугались? Она безобидная.

— Я из мира, где швабры не воют! — отчеканила она, медленно приходя в себя, но все еще косясь на орудие труда. — И не трясутся! И вообще, они пластмассовые, оранжевые и стоят в кладовке! Скучные! А это... это же монстр!

Я не выдержал. Сначала хмыкнул, потом фыркнул, а потом расхохотался. Впервые за последние лет пятьдесят — искренне, громко, от души, запрокинув голову. Смех разнесся по коридору, отразился от стен и, кажется, даже швабра перестала выть и удивленно замерла.

Ольга смотрела на меня, и в ее глазах гнев сменялся чем-

то другим. Удивлением, кажется. Или облегчением. Она тоже боролась с улыбкой — я видел, как дергаются уголки ее губ, как она кусает их, пытаюсь сдержаться. Швабра, поняв, что веселье не ей, обиженно взвизгнула, развернулась и, смешно перебирая черенком, словно сороконожка, уковыляла в дальний конец коридора и скрылась за портьерой.

— Поживем — увидим, — сказал я, отсмеявшись и вытирая выступившие слезы. — Спокойной ночи, соседка. Завтра будет новый день и новая битва за квадратные метры. Советую запереть дверь. А то швабра может вернуться и отомстить. За стереотипы.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел к себе, в свою спальню в конце коридора. Я чувствовал её взгляд спиной. Чувствовал, как она стоит там, с открытым ртом, пытаюсь переварить всё случившееся.

Зайдя в комнату, я прислонился к двери и закрыл глаза. В ушах всё еще стоял её крик, её смешной, испуганный голос. С этой девчонкой точно не будет скучно.

Я разделся, лег в кровать с балдахином, на которой проспал двести лет, и с удивлением понял, что впервые за эти двести лет засыпаю с улыбкой. С широкой, глупой, почти мальчишеской улыбкой. И с мыслью, которая согревала лучше любого магического обогревателя: "Интересно, что она выкинет завтра? Убьет швабру? Сожжет дом? Или сварит мне кофе?".

Я заснул почти мгновенно, чего со мной тоже не случалось.

лось очень давно.

Глава 4. Война за территорию

Я проснулась с чётким, почти физическим ощущением: сегодня — день расплаты. Сегодня я его выселю.

Мало просто выселить. Я сделаю это с блеском в глазах, с чувством глубочайшего морального превосходства и под мысленные звуки фанфар, которые будут греметь у меня в голове. Вчерашний позор, когда этот наглый маг в полосатом халате застал меня с пылесосом, который я приняла за воюющую нечисть, всё ещё горел на щеках несмываемым румянцем. Он видел мои трусы с зайцами, чёрт возьми! И мои безуспешные попытки победить шнурки! Это требовало кровной мести. Этот самоуверенный тип в дурацком халате, который он носит с таким видом, будто он как минимум король вселенной, должен понять: с Ветровыми шутки плохи. Дом, доставшийся мне от прабабки, по праву принадлежит мне, а не какому-то древнему магу, который оккупировал его на пару столетий.

За окном, издевательски беззаботно, пели птицы. Солнце золотым потоком заливало мою комнату, где-то в саду, наверное, благоухали розы, а я сидела на кровати, сжимая в руках блокнот, и составляла план диверсии. Настоящий, военный, с этапами, целями и пометкой «совершенно секретно». Я чувствовала себя партизанкой в тылу врага.

План «Изгнание мага» (Операция «Возвращение»)

Блокада. Заблокировать врага в его логове. Заколоть дверь спальни гвоздями. Изнутри он не выйдет, снаружи не войдёт — идеальная ловушка. Время действия — раннее утро, пока враг дрыхнет без задних ног.

Демилитаризация. Лишить врага магического преимущества. Конфисковать (или, в крайнем случае, уничтожить) все его артефакты: палочки, кристаллы, зловещие книги в кожаных переплётах. Без магии он станет обычным мужиком, а обычного мужика выставить — раз плюнуть.

Лишить ресурсов. Сжечь одежду. В первую очередь — тот самый ненавистный халат, который он носит с таким королевским видом. А заодно и мантию с бархатным воротником, в которой он похож на героя любовного романа.

???

Профит! Дом мой! Чисто, законно и красиво.

Я довольно потёрла руки. План был гениален в своей простоте. Никакой магии, только женская хитрость, грубая физическая сила и немного везения. Настоящая партизанщина.

Я оглядела комнату в поисках орудий труда. Взгляд упал на старый кованый сундук в углу, который я вчера даже не открывала. Внутри обнаружилась настоящая сокровищница: куча пыльного тряпья, ржавый подсвечник, пассатижи и... МОЛОТОК! С ГВОЗДЯМИ! Я чуть не расцеловала этот молоток. Судьба явно была на моей стороне, подкидывая боеприпасы.

Прихватив тяжёлые трофеи, я на цыпочках, стараясь не

скрипеть половицами, выскользнула в коридор. Тишина стояла просто звенящая. Дом спал, если старинные дома вообще умеют спать, а не просто притворяются. Где-то далеко внизу мерно тикали напольные часы, отсчитывая секунды до моего триумфа. Идеально.

Комната Алана находилась в самом конце длинного коридора, у окна с витражом. Массивная дверь из тёмного, почти чёрного дерева, с резными ручками в виде змей и замочной скважиной такого размера, что туда, наверное, можно было спрятать кошку. Я подкралась, затаила дыхание, приложила ухо к прохладному дереву. За дверью — ни звука, ни шороха. Спит, гад, видит десятый сон. Ухмыльнувшись, я достала первый гвоздь, приставила его к щели между дверью и косяком, нацелилась молотком...

Ударила.

Гвоздь вошёл в дерево ровно на миллиметр, жалобно звякнул и согнулся буквой «зю», как будто дверь была сделана из титана. Я вытащила его пассатижами, выругавшись шёпотом, взяла второй. Та же история. Третий согнулся ещё до удара, просто от того, что я попыталась его приставить.

— Да что ж ты такое, мать твою! — прошипела я сквозь зубы, пихая гвоздь в щель с таким остервенением, что чуть не сломала ноготь.

Дерево даже не поцарапалось. Я постучала по двери косячками — и взывала от боли, засунув укушенную руку в рот. Дуб? Железное дерево? Магический непробиваемый ар-

тефакт? Вокруг гвоздя даже следа не осталось, словно я тыкала спичкой в гранит.

Из-за двери раздался сонный, но отчётливый, с хрипотцой, голос:

— Ольга, если ты решила заняться плотницким делом в шесть утра, может, выберешь для этого другое место? Например, дверь в сарай. Она беззащитна, я тебе обещаю.

Я замерла, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Он не спит! Он слышал каждое моё движение, каждый согнутый гвоздь!

— Я не плотничаю! — пискнула я голосом нашкодившей кошки, понимая, что конспирация провалена с треском. — Я... я картину вешаю!

— Картину, — повторил он, и в голосе явно прорезалась широченная усмешка. — Посреди коридора. На мою дверь. В шесть утра. Шедевр, должно быть.

— Ну да! Это... это сюрприз! Чтобы ты вышел, а тут красота! Поднимает настроение!

Пауза. Долгая, тягучая, как патока.

— Ольга.

— Что? — буркнула я, рассматривая кривой гвоздь.

— Там гвозди гнутся, потому что дверь зачарована от взломщиков, нежити и навязчивых соседей с молотком. Иди лучше завтракать. Я яичницу сделал. С помидорами и беконом.

Внутри меня ярость и голод вступили в смертельную

схватку. Голод проигрывал, но сдаваться был не намерен.

— Не нужна мне твоя яичница! — рывкнула я как можно громче и величественнее, развернулась и, волоча за собой бесполезный молоток, гордо удалилась в свою комнату, мысленно проклиная всё магическое на свете.

Пункт первый провален. Переходим ко второму.

Я затаилась. Выждала. Дождалась, пока Алан выйдет из дома. Он отправился в сад — поливать какие-то совершенно чудовищные кусты с красными ягодами, которые, без его магии, кажется, могли бы сожрать не только округу, но и самого поливающего. Я видела из окна, как он ходит между грядок, как солнце путается в его тёмных волосах, и сердце предательски делало странные кульбиты. Нет, сейчас не до этого! Надо срочно заняться делом, пока он занят.

Я бесшумно спустилась в гостиную. Вчера я видела здесь целую коллекцию магического хлама: кристаллы на резных полках, палочки в серебряных подставках, толстенные книги с непонятными рунами на корешках. Если я это спрячу, он останется гол как сокол! Обычный мужик без магии — и выставить его — плёвое дело!

Я подкралась к полке с кристаллами. Самый красивый, переливчато-синий, размером с кулак, манил к себе, переливаясь изнутри мягким светом. Я заворожённо протянула руку...

— АЙ! ЧЁРТ!

Кристалл полыхнул ослепительной искрой и больно, по-

настоящему больно, укусил меня за палец! Как маленькая, злая, электрическая собака! Я отдёрнула руку и сунула палец в рот, чувствуя, как на языке появляется металлический привкус. Кристалл довольно замерцал, явно наслаждаясь моей болью и моим унижением.

— Ладно, — прошептала я, косясь на него с ненавистью.
— Не хотите по-хорошему.

Я сдернула с дивана тяжёлый шерстяной плед и, как то-реадор, накрыла им всю полку. Кристаллы возмущённо за-сверкали под тканью, загудели, пытаюсь прожечь её, но плед, кажется, был достаточно плотным. Ура! Частичная победа!

Окрылённая успехом, я перешла к книгам. Огромный фо-лиант в кожаном переплёте с металлическими углами лежал на отдельном столике. Я попыталась его поднять — и охнула от натуги. Тяжёлый, зараза, килограммов двадцать, не меньше. Но я — Ветрова, во мне течёт кровь сильных женщин! Я крякнула, поднатужилась, обхватила книгу покрепче, оторвала от стола и, пошатываясь, потащила её к шкафу, чтобы засунуть в самый дальний, тёмный угол.

И тут книга открылась.

Она просто распахнулась у меня в руках, будто у неё был собственный шарнир.

И заорала.

Не фигурально, не метафорически. Она заорала буквально, дурным, леденящим душу голосом на высокой, заклады-вающей уши ноте, с такой вибрацией, что у меня заложило

уши, а люстра над головой жалобно звякнула.

— А-А-А-А-А-А! ЧУЖАК! ЧУЖАК В ДОМЕ! ЧУЖАК КРАДЕТ ЗНАНИЯ! ТРЕВОГА! А-А-А-А!

Я выронила фолиант, и он грохнулся на пол, но даже не подумал замолкать. Наоборот, теперь он орал с пола, набирая децибелы. Из кухни, откуда ни возьмись, вылетела та самая швабра, с которой я воевала вчера, подлетела к книге и присоединилась к воплям тоненьким, истеричным подвыванием. Кристаллы под пледом засверкали так, будто там новогодняя ёлка замкнула, и тоже загудели на разные голоса.

— Тихо! Прекратите немедленно! — зашипела я на них, заметавшись по комнате. — Я не краду! Я переставляю! Я библиотекарь, блин!

— А-А-А-А! — орала книга. — ВОР! ГРАБИТЕЛЬ! У НЕЁ ЧУЖИЕ ГЛАЗА!

Я пнула её ногой — бесполезно, орущий кожаный кирпич. Накрыла подушкой с дивана — она стала орать глухо, но ещё громче. В отчаянии я просто села на неё сверху. Книга замолкла на секунду, видимо, переваривая такое нахальство, а потом заверещала с новой силой, теперь уже с обидой и возмущением, и я буквально чувствовала, как она пытается скинуть меня вибрацией.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Алан. С лейкой в одной руке, с секатором в другой. Весь в каплях росы, в простой белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, открывающими сильные,

мускулистые предплечья, покрытые тёмными волосками. И с таким выражением лица... Если бы я не знала, что он могущественный маг, я бы поклялась, что он сейчас просто лопнет от смеха, давясь им.

— Ольга, — сказал он медленно, смакуя каждое слово. — Ты сидишь на моей «Истории магических войн». Третье издание, ограниченный тираж, подписанное самим Мерлином. Раритет, между прочим.

— Я знаю, что это раритет! — рывкнула я, вскакивая с фолианта, как ошпаренная. — Она сама заорала! Я просто хотела... ну... убрать её немного. Подальше.

— Спрятать, — любезно перевёл он на человеческий язык. — Лишить меня магии, да? Чтобы я остался беззащитным, беспомощным мальчиком, и ты могла меня выставить? Милый план.

Я промолчала, кусая губы. Он подошёл к полке, небрежно сдёрнул плед. Кристаллы радостно вспыхнули, засияли чисто и ярко, приветствуя хозяина. Он подошёл к книге, погладил её по корешку, и она мгновенно затихла, только довольно заурчала, как огромный сытый кот.

— Милая моя Ольга, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — В этом доме каждая вещь меня знает. И любит. А тебя они пока... скажем так, побаиваются и не доверяют. Так что прятать их бесполезно. Они скорее тебя покусают, сожгут или затравят до икоты, чем дадут себя унести.

Я стояла посреди гостиной, чувствуя себя самой послед-

ней дурой в мире. План «Изгнание» рушился на глазах с грохотом, достойным крушения империи.

— Ладно, — буркнула я, глядя в пол. — Тогда я пойду... мантию твою сожгу.

Он удивлённо поднял бровь.

— Мантию? Зачем?

— Ту, длинную, в шкафу висит. С бархатным воротником. Чтоб ты без парадного вида остался. Чтобы вышел в свет и все сказали: «О, а где же твоя красивая мантия? А он, наверное, уже не маг!»

Алан молча прошёл в свою спальню (дверь, кстати, открылась с лёгкостью, ни один гвоздь её даже не поцарапал) и через минуту вышел с мантией в руках. И протянул мне.

— Держи. Сжигай. Я посмотрю.

Я опешила. Это было как-то слишком просто.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Развлекайся.

Я взяла мантию. Ткань текла в руках, тяжёлая, струящаяся, невероятно мягкая, прохладная и приятная на ощупь. Воротник был расшит замысловатыми серебряными рунами, которые слабо мерцали даже при дневном свете. Красивая вещь. Дорогая. Чужая.

— Ну, ты сам напросился, — решила я, подошла к камину, где всё ещё тлели угли, и решительно бросила мантию в огонь.

Ничего не произошло.

Мантия просто лежала там, на раскалённых углях, и даже не дымилась. Огонь жадно лизал её, пытался ухватиться за ткань, но она оставалась такой же прохладной и невозмутимой, как и сам Алан. Я смотрела, как языки пламени бесильно скользят по бархату, не оставляя и следа, и чувствовала, как внутри меня нарастает дикая, истерическая пустота. Полный провал.

— Несгораемая, — пояснил Алан из-за спины. Я даже не обернулась. — Магическая защита высшего порядка. В ней можно в жерло вулкана сигануть — не сгоришь. Только немного вспотеешь.

Я выдохнула. Весь воздух вышел из лёгких разом. Села на диван. Потом сползла на пушистый ковёр. Просто села на пол, обхватила колени руками и уставилась в одну точку на узорчатом деревянном полу.

— Я сдаюсь, — сказала я тихо, почти шёпотом. — Твоя взяла, Алан. Гвозди гнутся, книги кусаются, артефакты орут хором, мантии не горят. Я бессильна. Полный ноль. Война проиграна.

Он подошёл, сел на корточки прямо напротив меня. Его глаза были совсем рядом — тёмно-карие, с золотыми крапинками, и в них плясали не просто смешинки, а целые табуны весёлых чертей. И ещё что-то — какое-то странное тепло, почти нежность, от которого у меня защемило в носу.

— Ольга, не бери в голову, — сказал он мягко. — На сегодня боевых действий более чем достаточно. Объявляю пе-

ремирие. Пойдём ужинать.

— Не хочу, — буркнула я в коленки.

— Врёшь. У тебя живот уже полчаса урчит так, что я слышу даже из сада, заглушая птиц.

Я подняла голову. И в этот момент до моего носа донёлся запах. Сначала слабый, потом всё сильнее и сильнее. Откуда-то из кухни плыл такой аромат, что у меня мгновенно, предательски и громко, заурчало в животе. Жареное мясо с травами, чеснок, какой-то пряный соус, тушёные овощи... Что-то невероятное, божественное, от чего организм моментально забыл о гордости, о проигранной войне, о позоре — и включил режим «хочу жрать немедленно или умру».

— Что это? — спросила я севшим, охрипшим голосом.

— Заяц, тушёный в красном вине с можжевельником и тимьяном. С травами из моего сада. И картошечка молодая, с укропчиком и чесночным маслом.

Я застонала. Просто застонала вслух, представив эту картошку.

— Ты специально, да? — простонала я, глядя на него снизу вверх. — Сначала методично уничтожил всю мою армию, растоптал мои планы, а теперь вот так подкупаешь меня продовольствием? Низко, Алан. Очень низко.

— Я не уничтожал, — возразил он, и голос его звучал искренне. — Я просто показал, что война — это тупик. Бесполезна и травматична. А ужин... ужин я всегда готовлю на двоих. Мне просто скучно есть одному, понимаешь? Двести

лет одиночества, Ольга.

Он протянул мне руку. Широкую ладонь, тёплую, с мозолями от работы в саду и тонкими, едва заметными шрамами от магических экспериментов.

Внутри меня боролись две силы. Гордость кричала: «Не смей! Он враг! Он наглый, самовлюблённый маг, который занял твой дом и смеётся над тобой!» Желудок орал дурным голосом: «Заткнись, дура! Там заяц в винном соусе! Там картошка с укропом! Проигранных войн будет ещё сто, а такой ужин — один!»

Я вложила свою ладонь в его. Он сжал пальцы, помогая мне встать. И мы пошли на кухню, рука об руку, как старые друзья.

Кухня оказалась огромной, уютной, с настоящей русской печью, которая была щедро расписана магическими вензелями, и с длинным деревянным столом, за которым спокойно могли бы уместиться человек двадцать. На столе дымились две тарелки. Заяц и правда пах так, что я готова была простить Алану всё — даже тот дурацкий халат и ситуацию с трусами.

Я плюхнулась на лавку. Он сел напротив, налил мне из пузатого графина тёмно-рубинового, густого вина. Чокнулся со мной своим бокалом.

— Ну, за перемирие? — предложил он с лёгкой улыбкой.

— За временное перемирие, — уточнила я, поднимая бокал. — Сроком действия до окончания ужина. Потом война

возобновится.

— Идёт. До окончания ужина.

Мы ели молча. Я пыталась делать это чинно и благородно, как и подобается девушке из хорошей семьи. Но заяц был таким нежным, что таял во рту, соус таким ароматным и пряным, а картошка такой рассыпчатой, с хрустящей корочкой, что я быстро забила на все приличия и уплетала за обе щеки, изредка мыча от удовольствия. Алан смотрел на меня и улыбался. Не насмешливо, не ехидно, а как-то... довольно, по-хозяйски, что ли. Как будто смотрел на любимого котёнка, который наконец-то наелся.

— Нравится? — спросил он, когда я, облизав ложку, отодвинула пустую тарелку.

— Угу, — промычала я сыто. Потом спохватилась, откашлялась. — Слушай, Алан, а откуда ты вообще готовить так умеешь? Ну, серьёзно. Двести лет живёшь один с магией, с этими артефактами, с книгами — и вдруг такой кулинарный талант?

Он пожал плечами, отпил вина.

— Магия — это хорошо. Это сила, это знания. Но готовить я люблю сам. Это... успокаивает, знаешь? Даёт ощущение жизни, реальности. Что ты не просто сгусток энергии, а живой человек. Что ты что-то создаёшь своими руками, для себя. Магией можно создать идеальную иллюзию еды, любой вкус, любой запах. Но мозг всё равно обманешь, а душу — нет. Еда должна быть настоящей.

Я посмотрела на него по-новому. В этом самоуверенном наглеце, который двести лет живёт один в моём доме, оказывается, были глубины. И какая-то усталая ранимость. И чудовищное, нечеловеческое одиночество, от которого он, кажется, прячется за садом, за готовкой, за книгами.

Мне стало его почти жаль. Почти.

— Слушай, — сказала я, вертя в пальцах ножку бокала.
— А может, ну его? Войну эту?

Он поднял бровь, заинтересованно.

— Предлагаешь полную и безоговорочную капитуляцию?

— Нет. Предлагаю перемирие на других условиях. Долгосрочное. Ты живёшь здесь двести лет, и я понимаю, что вышвырнуть тебя будет сложнее, чем я думала. Артефакты тебя любят, дом тебя знает. Но и я не уйду. Прабабка меня не просто так сюда отправила, в этом точно есть какой-то смысл. Давай попробуем жить вместе?

Он замер с бокалом у губ.

— Вместе? — переспросил он тихо.

— Ну, не в том смысле вместе, — поспешно поправилась я, чувствуя, как краснеют щёки. — Как соседи. Дом огромный. Места навалом. Ты первый этаж со своим садом и лабораторией, я второй, со своей спальней и, может, будущим кабинетом. Кухня и гостиная — общие. У каждого своя территория, свои правила. И никаких войн. Никаких кристаллов, кусающих за пальцы, и орущих книг. Мир?

Он смотрел на меня долго, очень долго, изучающе, про-

низывающе. Потом медленно кивнул.

— Интересное предложение. Никогда не пробовал жить с соседкой. Тем более с такой... боевой и непосредственной.

— Это комплимент? — насторожилась я.

— Это констатация факта, — улыбнулся он той самой тёплой улыбкой.

Я допила вино. На душе было удивительно спокойно и тепло. Война закончилась, не успев толком начаться. Или только начиналась, но совсем другая? Та, где оружие — не гвозди и магия, а эти его улыбки, совместные ужины, споры в гостиной и этот взгляд, от которого внутри всё переворачивается и замирает.

— По рукам? — спросила я, протягивая ладонь через стол.

Алан взял мою руку. Подержал в своей. Пожал.

— По рукам, соседка. Но учти: этот договор можно пересмотреть в любой момент.

— Это ещё почему? — удивилась я.

— Потому что мне двести лет было смертельно скучно. А с тобой... с тобой весело, Ольга. Ты как маленький ураган. И кто знает, к чему такое соседство может привести? Жизнь — штука длинная, особенно у магов.

Он улыбнулся. И в его глазах я увидела тот самый огонёк, от которого внутри меня всё перевернулось и сладко заныло.

Я быстро отдернула руку, вскочила.

— Спокойной ночи, Алан.

— Спокойной ночи, Ольга.

Я ушла к себе, закрыла дверь (свою, не его, и без единого гвоздя), упала на кровать и долго, очень долго смотрела в потолок, который, кажется, тоже тихо посмеивался надо мной.

Кажется, я влипла. И похоже, это только самое начало.

Глава 5. Правила общежития

Мое первое утро в этом чужом, диком мире началось не с паники и не с попыток ущипнуть себя, чтобы проснуться. Оно началось с запаха.

Я лежала в огромной кровати под тяжелым балдахином, уставившись в незнакомый потолок с лепниной, и просто... вдыхала. Вдыхала полной грудью, каждой клеточкой. Это был не просто кофе. Это была симфония: густая, горьковатая нота свежемолотых зерен, нежная сливочная вуаль и пряный, чуть дымный шлейф, от которого в животе предательски заурчало.

Настоящий кофе. Свежесваренный. Тот самый, который не пьешь, а впускаешь в себя, и каждая твоя клеточка, сонная и взъерошенная, радостно подпрыгивает: «Виват! Сегодня будет хороший день!»

Я позволила себе еще минуту слабости, глядя в потолок и прокручивая в голове события вчерашнего вечера. Вспышки воспоминаний сменяли друг друга, как слайды в старом проекторе: уютный свет над обеденным столом, терпкое вино на языке, тепло его ладони в момент нашего странного рукопожатия и эта фраза, которая засела занозой: *«Кто знает, соседка, к чему приведет такое соседство»*.

— Так, Ветрова, — мой собственный голос прозвучал в тишине спальни неожиданно бодро. — Хватит раскисать. Ты

в чужом мире, в доме с наглым, до неприличия красивым магом, и у тебя есть первостепенная задача — выжить. А для начала — позавтракать. Кофе, как известно, побеждает гордость.

Я натянула любимые, вытертые до мягкости джинсы, простую футболку и, стараясь ступать бесшумно, спустилась вниз по скрипучей лестнице.

Алан стоял у плиты. Вчерашнего шелкового халата, слава всем богам, не было и в помине. На нем была простая светлая рубашка с аккуратно закатанными рукавами, заправленная в брюки, и поверх всего этого великолепия — фартук. Самый обычный фартук, клетчатый, чуть заляпанный мукой. Этот простой предмет гардероба делал его почти домашним, почти безобидным. Почти.

Он что-то напевал себе под нос, ловко оРудуя у плиты. На столе уже дымились горка золотистых булочек, в масленке сиротливо желтел кусочек масла, а в вазочке алым огнем горело варенье.

— Доброе утро, соседка, — бросил он, даже не оборачиваясь. В его голосе слышалась усмешка, словно он кожей чувствовал мое появление. — Выспалась в чужой постели?

— Ага, — я плюхнулась за стол, с вожделением глядя на булочки. — Снилось что-то странное. Про соседа, который слишком много себе позволяет.

— Во сне или наяву? — он наконец обернулся и поставил передо мной чашку. Дымящуюся, идеально белую, с темной

гладью кофе внутри.

Я сделала глоток и чуть не зажмурилась от удовольствия. Это было божественно. Крепкий, ароматный, с легкой, едва уловимой горчинкой, которая тут же смягчалась сливочным послевкусием.

— Ты всегда так готовишь? — спросила я, откусывая булочку. Та оказалась невероятно нежной и таяла во рту.

— Когда есть для кого, — он пожал плечами, садясь напротив с точно такой же чашкой. — Последние лет пятьдесят я завтракал в одиночестве. Честно говоря, компания начинает надоедать только тогда, когда ее нет. Так что я по тебе даже соскучиться успел.

Я фыркнула, но промолчала, доедая булочку. Насытившись, я почувствовала прилив деловой энергии. В конце концов, мы теперь сожители. Нужно устанавливать правила.

— Слушай, — я отодвинула тарелку и полезла в карман джинсов. — Давай официально. Раз уж мы решили жить вместе... ну, как соседи... надо бы заключить договор. Устный, но со всеми пунктами.

— Договор? — его бровь поползла вверх. — Интересно. Какие же условия выдвигает современная девушка из другого мира?

Я с победным видом водрузила на стол блокнот и ручку. Алан уставился на эти предметы так, будто я вынула из кармана живого хомяка. Честное слово, у него даже глаза округлились.

— Это что за артефакты?

— Это, сосед, блокнот. Для записей. А что, у вас тут до сих пор царапают на пергаменте гусиными перьями? — съязвила я.

— Ну... вообще-то да. — Он выглядел слегка обескураженным. — Бедные мы, бедные.

— Бедненькие, — я искренне вздохнула, но в глазах плясали чертики. — Ладно, давай я тебя буду просвещать. Учись цивилизации, маг. Итак, пункт первый и самый важный. Территория.

Я открыла блокнот и быстро, несколькими линиями, набросала план дома, который успела запомнить.

— Смотри. Вот это первый этаж. — Я ткнула ручкой в схему. — Гостиная, кухня, твоя спальня, кабинет и лаборатория в подвале — все это твоя вотчина. Я туда — ни ногой. Без стука, без спроса, без предупреждения.

— А если с супчиком? — усмехнулся он, и в его глазах мелькнул знакомый насмешливый огонек.

— Если с супчиком, горячим и наваристым — можно, — великодушно кивнула я. — Исключительно из гуманных соображений. Второй этаж — мой. Полностью и безраздельно. Моя спальня, коридор, и вон та комната в конце, которая завалена каким-то древним хламом.

Улыбка сползла с его лица. Он помрачнел.

— Это не хлам. Это бывшая комната Агаты. Твоей прабабки.

Я замерла, ручка застыла в воздухе.

— Она там жила?

— Полтора века. Ровно до того дня, как... ушла. После этого я туда не заходил. — Он отвел взгляд, уставившись в окно. — Не мое это. Думал, вы, потомки, разберетесь.

— То есть там могут быть ее вещи? — у меня перехватило дыхание. — Дневники? Записи? Какие-то объяснения тому, зачем она меня сюда затащила?!

— Вполне вероятно. — Алан допил кофе и поднялся. — Но учти, Ветрова, комната не убиралась полвека. Агата была женщиной увлеченной и в плане порядка — своеобразной. Там может быть всякое. Вплоть до очень неприятных сюрпризов.

— Я справлюсь. — Я лихорадочно чиркнула в блокноте: *«Разобрать хлам прабабки. Найти дневники. Осторожно, возможны сюрпризы»*. — Пункт второй. Коммуникации.

— Чего?

— Связь, вода, свет, отопление. — Я обвела рукой кухню. — Как тут все это работает? Где у вас розетки?

Алан тяжело вздохнул, с видом человека, которому приходится объяснять элементарные вещи ребенку, подошел к стене, где висела странная панель, инкрустированная разноцветными камнями.

— Это управляющий контур дома. Видишь кристаллы? Синий отвечает за воду. Зеленый — за тепло. Желтый — за освещение. Если кристалл начинает тускнеть, значит, закан-

чивается заряд. Надо подпитать магией.

— А если я — не маг? — уточнила я, хотя и так знала ответ.

— Тогда это входит в мои обязанности как старожила и единственного мага в доме. — Он скрестил руки на груди. — Я буду следить за «коммуналкой», как ты это называешь.

Я с чистой совестью записала: *«Маг отвечает за магический ЖКХ»*.

— Пункт третий. Еда. Кто готовит?

— Я, — без тени сомнения ответил Алан.

Я уставилась на него. Такого подвоха я не ожидала.

— погоди. Серьезно? А что тогда делаю я?

— Моешь посуду. И покупаешь продукты. — Он начал загибать пальцы. — Раз в неделю мы ходим на ярмарку в ближайший город. Там ты таскаешь сумки.

— Это чистой воды сексизм и дискриминация по половому признаку! — возмутилась я, чувствуя, как во мне закипает праведный гнев.

— Это, Ветрова, элементарный и справедливый раздел труда, — парировал он, и в его голосе зазвенели стальные нотки. — Я готовлю, потому что я это умею и, как ни странно, люблю. А магию я буду тратить не на то, чтобы таскать твои сумки с припасами, а на то, чтобы защитить нас от городских воришек, которые мигом учуют приезжих, и на подзарядку кристаллов, о которых мы только что говорили. Идет?

Я задумалась. В его словах была железная, неудобная логика.

— Идет, — нехотя буркнула я и записала: *«Моя работа — сумки и посуда. Его — готовка и магия»*.

— Пункт четвертый. Гости. — Я подняла на него серьезные глаза. — Ко мне, теоретически, прийти некому, я тут никого не знаю. А к тебе?

Алан помрачнел еще сильнее, чем при упоминании комнаты Агаты.

— Ко мне... иногда приходят. По делам. В основном незванные. Если кто-то появится, я предупрежу. Но ты должна знать: в моем мире не все меня любят. Бывают... неприятные визиты.

— Например? — насторожилась я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Например, моя бывшая невеста. Или ее многочисленные родственники. Или конкуренты по артефактному делу. Или магическая инспекция, которой вечно что-то не нравится.

— Боже, какая у тебя насыщенная социальная жизнь, — пробормотала я. — Сплошные поклонники.

— Привык. — Он дернул плечом. — Но если станет по-настоящему опасно, я отправлю тебя в подвал. Там такая защита, что сам демон не пробьет.

Я торопливо записала: *«Подвал — убежище. Срочно выяснить у мага, где находится вход»*.

— Пункт пятый. Личное пространство. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Ты неходишь в мою комнату без стука. Я — в твою. Мы не подглядываем, не подслушиваем и, ради всего святого, не читаем мысли. Если ты это умеешь, предупреди сразу, я куплю фольгу для шапочки.

Алан расхохотался. Искренне, громко, запрокинув голову. Смех у него оказался заразительным.

— Мысли не читаю, успокойся. Слишком сложная это магия, да и незачем. Твое лицо — открытая книга. Вот сейчас, например, ты думаешь о том, что я все равно буду нарушать эти дурацкие правила, но очень надеешься, что я этого не сделаю. И еще ты думаешь, что я невероятно наглый, но булочки готовить умею, так что, может, и потерпишь.

— Вот зараза, — выдохнула я, чувствуя, как щеки заливают краска. — Прямо по лицу все видно?

— Прямо по лицу. — Он улыбнулся, и в этой улыбке не было насмешки, а было что-то теплое. — Ты очень... открытая. Прозрачная. Это... приятно. Редко встретишь.

Я не нашлась, что ответить. Это прозвучало как комплимент. Или как приговор. Я решила пока не углубляться.

— Ладно, — я решительно захлопнула блокнот. — Пункт шестой, последний и самый важный. Ты помогаешь мне разобраться в том, зачем меня сюда закинула прабабка. Ищешь информацию, роешься в своих архивах, вспоминаешь каждое ее слово. Идет?

— Идет. — Алан кивнул, и его лицо стало серьезным. —

Мне и самому это интересно. Агата просто так ничего не делала. Она была провидицей. Если она тебя призвала, значит, на то была веская причина. Возможно, она спасала тебя от чего-то.

— От чего?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Но мы узнаем. Обязательно.

Мы снова пожали друг другу руки. Его ладонь была теплой и сухой, рукопожатие — крепким. Устный договор был заключен.

После завтрака я поднялась на второй этаж и впервые по-настоящему осмотрела свою новую территорию.

Спальня оказалась огромной, раза в три больше моей бывшей комнаты в общежитии. Кровать под тяжелым бархатным балдахином, платяной шкаф, похожий на монстра, туалетный столик с треснувшим, в паутине, зеркалом — все это было покрыто слоем пыли толщиной с палец. На полу валялись какие-то тряпки, в углу лежал скелет мелкого животного, то ли крысы, то ли очень крупной мыши. На подоконнике в горшках торчали сухие палки — все, что осталось от цветов, которые не поливали, судя по всему, лет пятьдесят.

— Ну, прабабка, — вздохнула я, оглядывая это великолепие. — Ну и свинарник ты мне оставила. Спасибо, конечно, за наследство, но могла бы и прибраться перед уходом.

Я с трудом открыла разошедшееся окно. В комнату ворвался свежий, пьянящий воздух, пахнувший розами, медом и

еще чем-то неуловимо волшебным. Где-то вдалеке, за садом, синели горы, покрытые шапками леса. Красота была невероятная, почти режущая глаза.

Я постояла пару минут, любуясь, глубоко вдыхая этот чистый, не тронутый выхлопными газами воздух, а потом засучила рукава и взялась за уборку.

Час спустя я была грязная, злая, потная, но довольная, как удав. Кровать была перестелена моим собственным бельем (спасибо предусмотрительности, что запихнула в чемодан пару комплектов), пыль стерта со всех поверхностей, скелет торжественно выброшен в окно. Пусть Алан в саду гадает, что это за кости падают с неба. Оставалась главная цель — бывшая спальня Агаты.

Дверь в конце коридора была заперта. Я дернула раз, другой — бесполезно. Постучала — тишина. Приложила ухо — ни звука. Пришлось звать на помощь.

Алан поднялся, молча подошел к двери, приложил ладонь к замку, что-то прошептал на гортанном языке. Я почувствовала легкую вибрацию, и дверь мелодично щелкнула.

— Зачаровано, — коротко пояснил он. — На кровь рода. Теперь открыто только для тебя. Я туда не пойду. Извини. Это слишком личное.

— Спасибо, Алан.

Я толкнула дверь и шагнула внутрь.

Комната оказалась именно такой, какой я ее себе и представляла — таинственное логово древней волшебницы. Ста-

рая, темная мебель из мореного дуба, резной шкаф, заваленный древними фолиантами с выцветшими корешками, массивный письменный стол, на котором стояла чернильница с давно засохшими чернилами и лежала стопка пожелтевших бумаг. И портрет. Огромный портрет в тяжелой раме на стене.

Женщина с портрета смотрела на меня. У нее были мои глаза — тот же разрез, тот же цвет, то же упрямое выражение. На ней было странное, струящееся платье, а на губах играла хитрая, чуть насмешливая улыбка. Улыбка женщины, которая все знает наперед.

— Привет, прабабка, — сказала я вслух, и голос мой дрогнул. — Ну и задачку ты мне подкинула. Спасибо, конечно. Очень по-родственному.

Я подошла к столу. Среди бумаг лежал конверт. Обычный бумажный конверт, на котором красивым, старомодным почерком было выведено мое имя: «Ветровой Марии, в собственные руки».

Сердце заколотилось. Я разорвала конверт.

«Внучка!

Если ты это читаешь, значит, ты все-таки дошла до моей комнаты. Умница. Горжусь. Надеюсь, Алан тебя не убил и не женил на себе в первую же ночь. И то, и другое было бы, согласись, несколько преждевременно.

Я тебя призвала не просто так. Этот дом — не простой. И ты в нем — не простая гостья. Ты — моя прямая на-

следница. И у тебя есть дар. Магический. Правда, сейчас он спит мертвым сном. Чтобы его разбудить, нужно время и правильные условия. Алан поможет. Он маг хоть и наглый, но хороший. Справится.

Не торопи события. Живи. Осваивайся. Присматривайся к дому, к магу, к себе. И помни главное: дом тебя выбрал. И мага этого, кстати, тоже. Но это я тебе не говорила. Пусть будет сюрприз.

Целую. Скучаю. Твоя прабабка Агата».

Я перечитала письмо три раза. Потом еще раз. Слова плясали перед глазами. Дар? Магический? У меня? Спящий? Дом меня выбрал? И мага этого наглого — тоже выбрал? Что за бред? Что за matrimониальные планы у старой волшебницы?

Я сунула письмо в карман джинсов, решив, что переваривать эту информацию буду завтра. Сейчас мозг просто отказывался работать. Слишком много впечатлений для одного дня.

Вечер наступил незаметно. Алан снова колдовал на кухне. На этот раз был суп-пюре из тыквы, приправленный какими-то невероятными, пахнущими осенью и медом специями, а на десерт — пирог с лесными ягодами, от которого невозможно было оторваться. Мы ели молча, каждый погруженный в свои мысли. Тишина была не напряженной, а какой-то уютной, домашней.

— Я нашел кое-что в архивах, — нарушил молчание

Алан, когда я доедала пирог и облизывала ложку. — Про Агату. Она была сильной провидицей. Возможно, самой сильной своего времени. Если она отправила тебя сюда, то не просто так, а спасая.

— Спасая от чего? — эхом отозвалась я.

— Не знаю. Пока не знаю. — Он покачал головой. — Но будь осторожна, Ветрова. Вокруг тебя завязывается слишком много узлов.

Поздно вечером я лежала в своей кровати, укрытая одеялом, и смотрела в темный потолок. За окном шумел сад, где-то внизу тихо, на самой границе слышимости, гудела магия, согревая дом. Этот гул был похож на дыхание огромного, доброго зверя — успокаивающее, ровное, живое. Дом дышал. Дом жил. Дом принял меня.

И впервые за долгое, очень долгое время мне не было страшно. Совсем. Да, я в чужом, незнакомом мире. Да, у меня сосед — наглый, самоуверенный маг с кучей врагов и опасным прошлым. Да, прабабка оставила мне в наследство не только шикарный особняк, но и кучу неразгаданных тайн и спящий магический дар. Но здесь было тепло. И уютно. И пахло кофе и пирогами. И, кажется, меня здесь действительно ждали.

Я закрыла глаза и улыбнулась в подушку.

— Спокойной ночи, дом, — прошептала я одними губами.

Гул магии чуть изменил тональность, стал чуть ниже,

чуть спокойнее, будто дом довольно вздохнул и ответил мне: «Спи, девочка. Я посторожу».

И я уснула. Впервые за несколько лет — без снотворного, без тревожных мыслей о завтрашней работе и бесконечной череде проблем. Просто уснула, свернувшись калачиком, как ребенок, чувствуя себя в полной, абсолютной безопасности.

Где-то внизу Алан тоже не спал. Сквозь сон я слышала его шаги по гостиной, мягкое позвякивание кристаллов на панели, тихое потрескивание огня в камине.

Мы были в одном доме. В одном мире, который с каждой минутой становился все менее чужим. И это было только начало. Очень, очень интересное начало.

Глава 6. Утро втроем

Я проснулся от ощущения, что мир рухнул. Не в переносном смысле, а в самом буквальном — моему дому, который простоял незыблемо двести лет, сейчас наступал конец. Грохот был такой, словно десяток каменных драконов решили устроить чечетку на крыше. Что-то тяжелое рухнуло и покатилося, что-то хрустально-нежное разлетелось на миллион осколков, что-то зашипело с таким надрывом, как будто раненый змей. А сквозь этот хаос пробился ЕЕ голос:

— Ой.

Всего одно короткое «ой». Но в этом «ой» было столько эмоций, что я, еще не открыв глаза, понял с абсолютной ясностью: Ольга снова что-то натворила. И судя по децибелам разрушений, на этот раз масштаб катастрофы перешел все мыслимые границы.

Я пулей вылетел из кровати, путаясь в одеяле, которое, как назло, обвилось вокруг ног. На ходу натянул штаны, даже не глядя, какие попались под руку. Рубашку искать было некогда — мелькнула мысль: «В конце концов, я маг, а не светский лев, и так сойдет».

Вылетел в коридор и замер, как вкопанный.

Из гостиной валил дым. Но не простой, серый, от сгоревшей бумаги или дерева. Этот дым был густым, зеленоватым, с золотистыми искрами, которые лениво кружились в возду-

хе, прежде чем лопнуть с тихим «пф». Пахло озоном, как после сильной грозы, жженой резиной и... мятой. Откуда здесь мята? У меня отродясь не было мятных артефактов.

— Ольга! — рывкнул я таким голосом, каким, наверное, драконы пугали целые армии.

Влетелв гостиную и остановился, пытаясь осознать увиденное.

Картина, открывшаяся моим глазам, была достойна кисти безумного художника или пера фантаста-сюрреалиста.

Посреди комнаты стояла ОНА. В коротких пижамных шортах в мелкий розовый цветочек, в майке на тонких лямках, одна из которых кокетливо сползла с плеча. Ее рыжие волосы торчали в разные стороны, словно она только что сунула палец в розетку, а в руках она сжимала мокрую тряпку. Вид у нее был самый невинный, какой только можно изобразить, стоя по колено в дыму и пепле.

А полыхало за ее спиной знатно.

Мой древний артефакт, который я с такими приключениями добыл в руинах храма Огненного дракона и который последние тридцать лет мирно пылился на каминной полке, сошел с ума. Бронзовая голова неизвестного божества с глазами из рубинов плевалась огненными шарами в потолок с ритмичностью пулемета. С каждым плевком артефакт подпрыгивал, издавая звук, похожий на кошачий чих, и снова заряжался. Потолок уже почернел в трех местах, дорогой ковер ручной работы начал тлеть, а мои любимые шторы, ко-

которые я привез из самого Шелкового пути, жалобно съеживались, пытаясь избежать участи факелов.

И надо всем этим хаосом витал запах мяты.

— Что ты сделала?! — заорал я, бросаясь к артефакту, лавируя между очагами возгорания.

— Я просто вытирала пыль! — крикнула она в ответ, и в ее голосе звучала такая искренняя обида на несправедливость мира, что я на мгновение даже растерялся. — Он стоял весь серый, на него смотреть было страшно! Я хотела как лучше! Навела марафет!

— Марафет?! — Я едва не споткнулся о кресло. — Ольга, пыль на нем была защитным коконом! Это как одеяло! Ты сняла одеяло со спящего дракона!

Я накрыл артефакт своей рубашкой, которую все-таки успел прихватить, и начал читать заклинание гашения, путая слова от спешки. Голова древнего божества возмущенно задергалась под тканью.

— Откуда я знала?! — Она подбежала ко мне и встала так близко, что я почувствовал запах ее волос. — Чем помочь?

— Ничем! Стой там и не двигайся! Твоя помощь уже привела к тому, что у меня скоро не будет дома!

Артефакт икнул, выплюнул последний огненный шар (к счастью, он угодил прямо в камин) и затих, обиженно засопев. Я выдохнул, осторожно убрал рубашку. На меня смотрела бронзовая морда с выражением глубочайшей детской обиды. Казалось, она сейчас расплачется. Или снова чихнет.

Я выдохнул. Обернулся.

Она стояла в двух шагах, прижимая злополучную тряпку к груди, и смотрела на меня огромными глазищами цвета весеннего неба. В них плескалась такая гремучая смесь вины, искреннего испуга, раскаяния и плохо скрываемого жгучего любопытства, что я не знал — то ли немедленно прибить ее, то ли расцеловать.

— Прости, — пискнула она. — Я правда не хотела. Я думала, он просто статуэтка. Ну, знаешь, как те фигурки драконов, что продают на ярмарке.

— Статуэтка, — повторил я ледяным голосом. — Которая тридцать лет стоит на камине в доме мага. И ты решила, что ей нужна влажная уборка. Обычной тряпкой.

— Ну да. А что, нельзя? Тут же красиво, я подумала, что пыль портит интерьер.

Я закрыл глаза. Досчитал до десяти. Потом до двадцати. Потом до ста. Открыл.

— Ольга. Послушай меня очень внимательно. В этом доме НЕТ вещей, которые можно просто вытирать тряпкой. Каждый кристалл, каждая книга, каждая, — я ткнул пальцем в злополучный артефакт, который все еще обиженно поблескивал рубинами, — статуэтка имеют магическую природу. Их нельзя трогать без спроса. Нельзя двигать. Нельзя дышать на них, если ты не знаешь, какое заклинание на них наложено.

— Но как же уборка? — искренне удивилась она, хлопая

ресницами. — У вас же должно быть чисто! Я хотела помочь, ты столько для меня сделал, а я просто лежу на диване и ем твои припасы.

— У меня есть домовые! — рявкнул я так, что, кажется, в подвале что-то упало. — Помнишь? Те маленькие мохнатые существа, которые вылезают по ночам? Швабра, которая воеет, когда ей грустно? Она сама все убирает! Не надо лезть с тряпкой!

Она моргнула. Потом медленно, очень медленно перевела взгляд на угол комнаты, где действительно стояла та самая швабра, опершись на свое ведро. И швабра смотрела на нас. У швабр тоже бывают взгляды, если вы не знали. В этом взгляде читалось глубокое осуждение и профессиональная обида за то, что у нее украли работу.

— Ой, — снова сказала Ольга. — Я забыла. Совсем из головы вылетело. Думала, она просто для красоты стоит.

Я рухнул в кресло, то самое, которое чудом уцелело в этой битве. Голова гудела так, словно по ней отстукивали ритм молотом. В груди бушевало раздражение пополам с адреналином, но где-то глубоко, в самом укромном уголке сознания, уже зарождалось это предательское, щекочущее желание рассмеяться.

— Ты забыла, — повторил я, растирая виски. — Ты забыла, что в доме есть магические помощники, и решила собственными руками уничтожить мою гостиную. Тряпкой. Из микрофибры, надо полагать.

— Не уничтожила же, — пробормотала она, оглядывая почерневший потолок и дымящийся ковер с явным сомнением в голосе. — Ну... почти. Подумаешь, небольшой пожар. Бывает. У нас в общежитии знаешь что творилось?

Я посмотрел на нее. На эти дурацкие пижамные шорты с цветочками, на сползшую лямку, на растрепанные волосы, в которых, кажется, запуталась золотая искорка от дыма, на эту тряпку, которую она все еще сжимала как знамя победы разума над магией, на это несчастное, виноватое, но при этом чертовски умильное лицо с капелькой сажи на кончике носа...

И я рассмеялся.

Сначала тихо, сдавленно, пытаюсь задавить этот неуместный смех в зародыше. Потом громче, а потом уже просто хотел, запрокинув голову, чувствуя, как уходит напряжение, как тает раздражение, как внутри разливается что-то теплое и совершенно неуместное в такой ситуации.

— Ты чего? — испугалась она, делая шаг ко мне. — Алан? У тебя истерика? Шок? Прости меня, дуру, я больше не буду, честно-честно! Клянусь всеми драконами! Я теперь к этим штукам даже близко не подойду!

— Ольга, — выдавил я сквозь смех, хватая ртом воздух. — Ты... ты просто... это невозможно...

— Что невозможно? — Она присела на корточки рядом с креслом, заглядывая мне в лицо с неподдельным беспокойством.

— С тобой невозможно соскучиться! — выдохнул я, утирая выступившие от смеха слезы. — Я двести лет жил в тишине и покое! Двести лет ничего не случилось! Моя жизнь была предсказуема, как восход солнца! И за три дня ты умудрилась: упасть из портала прямо мне в руки, объявить мне войну за плохое, видите ли, отношение, украсть мои личные артефакты, пытаясь докопаться до истины, посидеть на древней книге, из-за чего та обиделась и неделю не открывалась, попытаться сжечь мою парадную мантию, перепутав ее с половиком, и устроить пожар в гостиной с помощью древнего артефакта и мокрой тряпки!

— Ну... я старалась, — скромно потупилась она, но в глазах уже заплясали чертики. — Разнообразить твой досуг.

— Ты старалась? — Я снова засмеялся. — Ты издеваешься надо мной?

— Немного, — призналась она честно, и улыбка тронула ее губы. — Но не специально. Это само получается. Наверное, у меня талант.

— Талант к разрушению? Ольга, это не талант, это стихийное бедствие в масштабе одной отдельно взятой усадьбы.

Я встал, подошел к ней, забрал тряпку, брезгливо повертел в руках и отбросил в сторону. Та шлепнулась на пол, и домовые тут же утащили ее в неизвестном направлении, явно для допроса с пристрастием.

— Ольга. Обещай мне одну вещь.

— Какую? — насторожилась она.

— Прежде чем что-то сделать в этом доме — остановись. И спроси меня. Даже если я сплю. Даже если я в подвале и работаю с опасными ингредиентами. Даже если я ушел в город за травами. Спроси. Мысленно, через амулет, прокричи, в конце концов! Потому что твоя инициатива опасна для жизни. Моей жизни. И твоей тоже.

— А если ты не ответишь? — прищурилась она, и в этом прищуре читался вызов.

— Тогда не делай ничего.

— Скучно.

— Зато живые. Живые и со своим домом, а не с грудой пепла.

Она вздохнула так тяжело, словно я предлагал ей отправиться на каторгу. Потом подняла на меня глаза и улыбнулась — той своей особенной улыбкой, от которой у меня внутри всегда что-то екало и переворачивалось.

— Ладно, — сказала она. — Обещаю. Почти.

— Почти? — возмутился я, чувствуя, как внутри закипает новое раздражение. — Что значит «почти»?

— Ну а вдруг случится что-то важное? — она всплеснула руками. — Вдруг я увижу, что дом рушится, потому что у тебя там какой-нибудь артефакт сошел с ума, а ты в подвале, и надо срочно что-то делать? Я же не могу стоять и ждать, сложа руки, пока ты там ковыряешься со своими склянками, а на меня сверху падает потолок!

Я открыл рот, чтобы возразить, привел тысячу аргумен-

тов, но потом закрыл. Потому что, черт возьми, она была права. В этом вся Ольга. Если случится реальная катастрофа, она не будет ждать моего разрешения — она кинется спасать всех, не думая о себе. И, скорее всего, устроит еще большую катастрофу, но исключительно с благими намерениями. Такова ее натура.

— Хорошо, — сдался я, чувствуя себя так, будто проиграл важное сражение. — Почти. Но тогда я сам научу тебя базовым правилам безопасности. Чтобы ты хотя бы примерно знала, что можно трогать, а что категорически нельзя. Где можно проявить инициативу, а где — только звать меня.

— Учить меня? — удивилась она, и в ее глазах мелькнул неподдельный интерес. — Ты будешь меня учить? Прямо как настоящий учитель?

— А что? Не хочешь? Боишься, что будет скучно?

— Хочу! — ответила она быстро, даже слишком быстро. И вдруг почему-то покраснела, отведя взгляд.

Мы стояли посреди гостиной, среди остатков дыма и стойкого запаха гари, в пижамах, и смотрели друг на друга. Она — виновато и смущенно, я — с чувством, похожим на то, что бывает, когда смотришь с обрыва и понимаешь, что сейчас полетишь вниз, и остановиться уже нельзя.

И в этот момент я осознал две вещи с кристальной ясностью.

Первая: с этой девушкой я точно сойду с ума. В ближайшее время. Возможно, уже завтра. Это неизбежно, как при-

лив.

Вторая: кажется, я уже сошел. Давно. Потому что мне это нравится. Мне нравится этот хаос, этот шум, этот пожар, эти ее дурацкие выходки. Мне нравится, что в моем доме, который двести лет был тихим склепом, наконец-то появилась жизнь. Бестолковая, опасная, но жизнь.

— Завтракать будешь? — спросил я, чтобы сменить тему, потому что молчание становилось слишком тяжелым.

— Ага, — кивнула она, и лицо ее просветлело. — А что?

— Яичницу с беконом. Иди умойся, на тебя смотреть страшно — вся в саже. И в искрах. И вообще, от тебя мятой пахнет. Откуда мята?

— А, это я освежитель воздуха в твоём артефакте нашла, — беззаботно махнула она рукой. — Думала, если он чихает, может, ему приятный запах понравится. Брызнула немного.

Я закрыл глаза. Артефакт обиженно икнул из угла.

— Иди умойся, — только и сказал я.

Она убежала наверх, цокая пятками по лестнице. Я остался один. Щелкнул пальцами, активируя программу тотальной уборки — домовые вылезли из всех щелей, засуетились, принялись заделывать потолок, оттирать ковер, утешать обиженный артефакт, который они бережно обкладывали подушками.

Я пошел на кухню, достал сковороду, разбил яйца, бросил нарезанный бекон и вдруг поймал себя на том, что напеваю. Какой-то старинный мотив, который слышал в юности. Две-

сти лет молчания. Двести лет тишины. И вдруг — напеваю.
С ней точно будет весело. И пусть весь мир подождет.

Глава 7. Неловкость высшего порядка

После утреннего хаоса с артефактом (я все еще настаиваю на версии «легкого возгорания», хотя дымовая завеса была как при полноценном пожаре) мне физически необходимо было смыть с себя этот день. От меня разило гарью, потом и, как ни странно, мятой. Видимо, тот злосчастный артефак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.